Дмитрий ВЛАСОВ

О ПУШКИНЕ И НЕ ТОЛЬКО

Заметки дилетанта

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В первой части книги собраны посвящённые А. С. Пушкину очерки о его путешествиях, разных сторонах его жизни и творчества. Некоторые очерки публиковалась ранее в журналах. Во второй части («Литературная мозаика») — взгляд непрофессионала на различные стороны творчества последователей Пушкина — от Фета до Маяковского. Эти литературные заметки могут и должны побудить читателей к более подробному знакомству с творчеством наших великих соотечественников.

- О Пушкине и не только
  -
  - От автора
  - Часть I. Где жил и где был Пушкин
    -
    - Пушкин: посмертное издание и бессмертные подписчики
    - Ольга и Ленский — что дальше?
    - Рисуй Олениной черты
    - Первое большое путешествие Пушкина
    - Путешествие в Арзрум и «Путешествие в Арзрум»
    - Пушкин: 100 лет «чуткой» цензуры
    - Парнасский наш отец
    - Путешествие Пушкина… навстречу Радищеву
    - Прекрасные Натали… и Татьяны
    - Где жил и где был Пушкин
    - Место для памятника. И почему Пушкин не читал Лермонтова
    - Свободу лошадям!
    - От Каменки Пушкина и Чайковского до Карнеги-холла
  - Часть II. Литературная мозаика
    - Поэт и фермер
    - Гость из будущего
    - Завещание Дон-Жуана
    - «Лолита» — высокая трагедия
    - Цветаева, Эфрон, Маяковский и мировая война
    - «Любить…»
    - Белые ночи Леонида Леонова
    - Светить, и никаких гвоздей!

О Пушкине и не только
Заметки дилетанта

Дмитрий Власов

Дизайнер обложки Максим Власов
Корректор Лидия Власова

© Дмитрий Власов, 2017
© Максим Власов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-2875-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Как много уже написано о Пушкине… Но поток не иссякает. Точнее сказать — «потоки», потому что есть высокие академические исследования для специалистов, есть научная литература, доступная более широкому кругу читателей, есть научно-популярное литературоведение «на эту роль претендует как раз и это издание», есть школьный круг чтения. Есть и дошкольный. Всё больше, к сожалению, псевдонаучных и просто скандальных публикаций.

Ко всем категориям, кроме последней, подходят слова Ф. М. Достоевского, сказанные им при открытии памятника Пушкину в Москве — о том, что Пушкин оставил нам великую тайну, и мы год за годом (а теперь, можно сказать, век за веком) пытаемся её разгадать. Попытаемся приоткрыть эту тайну и здесь… С вашей помощью, дорогие читатели!

Вторая часть издания названа «Литературная мозаика», так как содержит короткие заметки о творчестве восьми разных поэтов и писателей XIX и XX веков, пусть не имеющих прямого отношения к Пушкину, но испытавших, как и все мы, мощное и благотворное влияние его гения.

Заметим ещё, что первая половина пушкинских очерков была опубликована в монографии «Вместе с Пушкиным» (Издательство «Московский Парнас», 2009 г.) и, в разные годы, в журнале «Наука и жизнь».

Часть I. Где жил и где был Пушкин

Пушкин: посмертное издание и бессмертные подписчики

В год смерти Пушкина в числе высочайше одобренных мер в пользу ушедшего и как будто безопасного уже Пушкина значится и такая: издать первое собрание сочинений (посмертное), причём под эгидой правительства. Это означало, что казна финансировала издание, надеясь, правда, и заработать на нём. Всем губернаторам разослали письмо, в котором предлагалось организовать подписку, что было новым для того времени. Но дальше много странностей: стоимость довольно высокая, общее количество томов всё время меняется, качество издания просто плохое. К 1840 году, выпустив восемь томов, казённая «Опека» окончательно охладела к изданию. Его попытались подхватить частные издатели Глазунов и Заикин. В 1841 году выпущено ещё три тома с неопубликованными при жизни Пушкина произведениями, среди которых: «Медный всадник», «Каменный гость», «Русалка», «Дубровский», много стихотворений, вошедших впоследствии в золотой фонд поэзии. И подумать только, все эти вещи не были знакомы современникам Пушкина! В последнем 11-м томе приведены «Имена особ, благоволивших подписаться на сочинения Александра Сергеевича Пушкина», части 9, 10 11», что и позволяет нам сегодня провести анализ этого уникального списка.

Итак, анализ «количественный». Первоначальный замысел предусматривал тираж в одну-две тысячи экземпляров для каждого тома. И это был обычный и считавшийся неплохим тираж большинства популярных изданий с гарантированным сбытом в течение двух-трёх лет. Почти все прижизненные издания Пушкина имели тираж в одну тысячу экземпляров. На последние же три тома тираж подписки известен абсолютно точно: 218 экземпляров. Правда, отпечатано больше, и в течение 10 лет свободно можно было купить это издание, причем цена упала втрое. Для примера: пермский губернатор Огарёв получил от министра внутренних дел Блудова 10 «билетов предварительной подписки». После пяти месяцев интенсивной, надо думать, работы с потенциальными подписчиками министр получил обратно все 10 билетов с письмом, в котором сообщалось, что «подписчиков на упомянутое сочинение не явилось». Кстати, ни одного губернатора и ни одного министра в списке подписчиков нет.

И кто же они, эти 218, оставившие свои имена в тени нерукотворного пушкинского памятника. Вот первые строки списка, дословно:

Аверин, Степан Андреевич (на веленевой бумаге)

Аделунг, господин

Адлерберг, Владимир Федорович, Генерал-адъютант

Аксаков

Альберт, Его превосходительство

Александрович, Фёдор Иванович, Надворный Советник (на веленевой бумаге)

Алексеев, Никита Григорьевич, Его Благородие

и так далее… до последней фамилии:

Ясенский, Флориан Войцехович (в г. Умани, Киевск. губ.).

Да, в 72 случаях указаны города. Орёл, Курск, Тамбов, Тифлис, Тверь, Иркутск, Острогожск, Арзамас, как и Пошехонье упомянуты по одному разу. Старая Русса, Белгород и Ставрополь — по два раза, Москва — 7 раз, а Петербург — ни разу (но надо думать, что большинство Их Превосходительств подразумевались петербургскими жителями).

92 фамилии указаны с именами-отчествами или без, но без титулов. Среди титулованных же большинство — военные, их 32, от корнета до генерал-адъютанта. Названных гражданских чинов — 18, от коллежского регистратора до надворного советника и, кроме того, шесть их превосходительств и 14 — их благородий и высокоблагородий. Есть три купца и ещё купеческий сын, один профессор и два студента (Иванов и Смирнов, оба из Москвы), архимандрит, три графа и две графини отдельно. Вообще же в списке 10 женщин, ни одного из известных нам по стихам имён нет.

Но есть и «учреждения», как теперь бы мы сказали. Это три гимназии — Минская, Ларинская и вторая Санкт-Петербургская, и есть еще, правда, один (!) учитель гимназии, это на всю Россию. Плюс три провинциальных училища и отдельно дирекция училищ Вятской губернии, пять военных полковых библиотек и Горный институт. В итоге — 13 коллективных подписок… Таков он, срез читающей России того времени, при 50-миллионном населении и 6 — 7 млн. грамотных.

Следующее Собрание сочинений Пушкина, под редакцией Анненкова, вышло только через 15 лет. Как ни трудно это признать, но в последующие после смерти Пушкина полвека его мало издавали и, значит, мало читали, даже в России. Этому способствовало и то, что Наталье Николаевне, вдове поэта, удалось с разрешения Николая I удвоить обычный 25-летний срок авторского права, и любое издание было возможно только после

переговоров с наследниками.

Пушкинское возрождение началось к концу века. Первый импульс — открытие московского памятника Апикушина в 1880 году. В юбилейном 1887 году, буквально ко дню окончания авторских прав было подготовлено сразу три относительно недорогих собраний сочинений. Их продажа сопровождалась даже некоторой давкой, нехарактерной для книготорговли того времени. Наиболее известное 10-томное издание Суворина имело тираж 15 тыс. экз. Еще шире отмечался 100-летний юбилей в 1899 году.

Но цензура, белые и серые кардиналы были начеку. Одни произведения или отдельные строфы были запрещены, другие искажены, подправлены, третьи зашифрованы или не найдены. В школьные учебники не попадали даже сказки. К тому же в 1880 году в начальной школе обучалось только 10 процентов мальчиков и 3 процента девочек, а в начале XX века общая грамотность в России составляла 21 процент (среди женщин — 14 процентов).

Февральская революция 1917 года сняла, наконец, с пушкинских текстов все ограничения, изъятия и искажения. С 20-х годов наступает расцвет пушкиноведения как науки, что сопровождается и массовым изданием подлинных пушкинских произведений, причем не только на русском языке. Были, правда, и призывы «сбросить Пушкина с корабля современности», побывал он и царедворцем, и революционером. В 1937 году очень шумно, как большой праздник, отмечалось 100-летие со дня гибели поэта. Теперь многие считают, что этот шум должен был заглушить другие звуки 1937 года…. Так или иначе, было много издано, в том числе Гослитиздат выпустил большой однотомник почти всего Пушкина рекордным для своего времени тиражом 500 тыс. экз.

После Отечественной войны книги Пушкина и о Пушкине издавали часто, но на то или иное Собрание сочинений подписаться было непросто. И вот, наконец, перед юбилейным 1987 годом была объявлена свободная подписка на трехтомное Собрание сочинений Пушкина, без привычных ограничений (это тоже был один из сигналов начинающейся перестройки). В итоге за два года читатели получили трижды по 10 млн. 700 тыс. экземпляров Сочинений Пушкина. Безусловно, это и российский, и всесоюзный, и мировой рекорд книгоиздания на все времена. Если бы редакция этого издания решила, по примеру первого Собрания сочинений, привести имена всех подписчиков, то для этого потребовалось бы еще 40 таких же томов.

Но прошло ещё 20 лет… Нетрудно догадаться, что после

всплеска 80-х и начала 90-х годов тиражи книг художественной литературы, включая классику, резко пошли вниз. Казавшиеся нам смешными тиражи пушкинского времени в 1000 экз. теперь уже никого не удивляют, некоторые серьёзные книги обсуждаются и комментируются в прессе и на телевидении при тиражах в 300 — 500 экз.

В любом книжном магазине теперь можно найти несколько изданий Пушкина, неплохо оформленных, с умеренной ценой. Тираж…. Преобладает тираж — 4 тыс. экз. Плакать или смеяться? Ведь это те же тиражи пушкинского времени с поправкой на рост населения как раз в четыре раза за это время, при этом число грамотных выросло в 30 раз.

Особый разговор о полных (т.н. академических) Собраниях сочинений Пушкина. Было издание 1936 — 1938 гг. из шести больших томов под ред. М.А.Цявловского. Тут же началось издание 17-томного Полного собрания сочинений, но из-за войны оно растянулось на 1937 — 1959 годы. В 1994 — 1997 годах, к 200-летию Пушкина, оно было повторено практически без изменений, но с двумя дополнительными томами. Тираж первых томов — 50 тыс. экз., последних с письмами и справочных — 10 тыс. Наконец, пришло время (через 70 лет) подготовить и издать действительно новое, самое полное Академическое собрание сочинений, со всеми возможными комментариями, разночтениями и находками. Это будет 20-томное издание. Первый том издан в юбилейном 1999 году, второй том — в 2004. Это действительно колоссальная работа. Но при таком темпе на всё издание потребуется как раз 100 лет! Такая «основательность» не снилась ни Пушкину, ни пушкинистам…

Лучше вернемся к временам 10-миллионных рекордов.

К 1989 году общий тираж изданных пушкинских произведений достиг 400 млн. экз. Впереди в глобальном исчислении были только Библия и Ленин (тогда), не считая нескольких бульварно-детективных «писателей».

Так или иначе, Пушкин писал для нас, и у него есть ответы на многие вызовы нашего времени.

«Ищите и обрящете!»…

Ольга и Ленский — что дальше?

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил…

Кто не знает этих хрестоматийных строк, этого начала нашего великого романа в стихах? И уже это начало напоминает нам, что Пушкин и его «Евгений Онегин» неисчерпаем, каждая строфа, если не строка, при перечитывании открывает и другой, более глубокий, а иногда и совсем другой смысл. С первой строки: что значит «самых честных правил»? Современники Пушкина считали эти слова парафразом строки из басни Крылова «Осёл был самых честных правил», но сейчас эта басня — не из самых известных, и мы слышим (или думаем, что слышим)

только прямой смысл пушкинской строки.

Ещё меньше повезло третьей строке. Дело в том, что для меня было, а для многих вполне образованных читателей всё ещё будет открытием, что слова «уважать себя заставил» — это почти то же, что «приказал долго жить» или, по крайней мере, человек не просто болен, а при смерти. Некоторые читатели не согласны, возмущаются даже, все переводы дословно воспроизводят слова «научил, заставил себя уважать», а между тем… многие понятия и выражения русского языка изменили смысл с пушкинских времён, даже имена: «Татьяна» считалось именем простонародным, а вот «Акулина» — благородным (заменявшимся, впрочем, в обиходе более благозвучным «Алина») … Но после этого вступления, показывающего только, что читатель не всегда прав и не всё ещё знает о Пушкине и «Евгении Онегине», отправимся в середину и в конец романа с другим поиском.

Сколько ни читал и ни перечитывал «Евгения Онегина», меня оставляла в некотором недоумении судьба Ольги и посмертная судьба Ленского после дуэли. Очень мало об этом сказано в романе и ничего — в опере. Между тем, накануне дуэли Ленский — поэт напрямую обращается к своей невесте, и последняя ария Ленского уже больше ста лет живёт и волнует нас в великой опере Чайковского:

Забудет мир меня, но ты
Придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной…

И что же? В опере имена Ольги и Ленского исчезают бесследно. В романе же:

Там у ручья в тени густой
Поставлен памятник простой.

И в следующей, VII главе:

Там виден камень гробовой
В тени двух сосен устарелых.
Пришельцу надпись говорит:
«Владимир Ленский здесь лежит,
Погибший рано смертью смелых,
В такой-то год, в таких-то лет.
Покойся, юноша-поэт!»

А Ольга? Где та «слеза над ранней урной»? Конечно, мы не ждём от неё вечной верности, но всё-таки, всё-таки…

Бывало, в поздние досуги
Сюда ходили две подруги,
И на могиле при луне,
Обнявшись, плакали оне.
Но ныне… памятник унылый
Забыт. К нему привычный след
Заглох. Венка на ветке нет;

Между тем, ещё раньше, в VI главе, не Ольга, а «горожанка молодая»

…….
Глазами беглыми читает
Простую надпись — и слеза
Туманит нежные глаза.
Душа в ней долго поневоле
Судьбою Ленского полна;

А дальше обязывающие строчки самого Пушкина:

Со временем отчёт я вам
Подробно обо всём отдам.

В отношении Ольги отчёт очень краткий. Вот, наконец, в VII главе целая строфа:

Мой бедный Ленский! изнывая,
Не долго плакала она.
Увы! Невеста молодая
Своей печали не верна.
Другой увлёк её вниманье,
Другой успел её страданье
Любовной лестью усыпить,
Улан умел её пленить,
Улан любим её душою…
И вот уж с ним пред алтарём
Она стыдливо под венцом
Стоит с поникшей головою,

С огнём в потупленных очах,
С улыбкой лёгкой на устах.

А дальше — прощание, отъезд, последнее упоминание имени:

И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных умолк.
Улан, своей невольник доли,
Был должен ехать с нею в полк.

Итак, всё сказано, впереди ещё много переживаний главных героев, переживаний читателя с главными героями…

«Я так люблю
Татьяну милую мою»…

И всё-таки обидно за Ленского, обидно и за Ольгу, слезу она так и не уронила…

Но вот в чём сила не только чтения, но и перечитывания. Замечаешь, наконец, что эта строфа («мой бедный Ленский») имеет три номера: «VIII — IX — X» — так изредка встречается и в других местах романа, и это — признак того, что были ещё строки и строфы, которые Пушкин, может быть, в окончательной редакции исключил, но не стал менять общую нумерацию строф в каждой главе.

Существуют исследования пушкинистов по всем вариантам и черновикам сочинений Пушкина, но это все-таки специальная литература, её надо искать… Может быть, просто взять «Полное собрание сочинений»?

И вот радость почти исследователя, пусть дилетанта, любителя, но это тоже открытие, пусть сделанное с 101-й раз. Действительно, в черновой рукописи Пушкина есть ещё две строфы, имеющие как раз два «лишних» номера: «VIII и IX». Тот же лёгкий и совершенный пушкинский стих, но строки другие, широкому читателю почти неизвестные:

Но раз осеннею порою
Одна из дев сюда пришла.
Казалось — тягостной тоскою
Она встревожена была —
Как бы волнуемая страхом,
Она в слезах пред милым прахом
Стояла, голову склонив —
И руки с трепетом сложив.
Но тут поспешными шагами
Её настиг младой улан,
Затянут, статен и румян,
Красуясь чёрными усами,
Нагнув широкие плеча
И гордо шпорами звуча.

Она на воина взглянула.
Горел досадой взор его,
И побледнев, она вздохнула,
Но не сказала ничего
И молча Ленского невеста
От сиротеющего места
С ним удалилась — и с тех пор
Уж не являлась из-за гор.

Так! равнодушное забвенье
За гробом настигает нас.
Врагов, друзей, любовниц глас
Вдруг молкнет. Про одно именье
Наследников сердитый хор
Заводит непристойный спор.

Последние шесть строк из 28 сохранились в следующей, XI строфе, но для этого пришлось исключить другие шесть строк:

По крайней мере из могилы
Не вышла в сей печальный день
Его ревнующая тень —

И в поздний час, Гимену милый,
Не испугали молодых
Следы явлений гробовых.

Как жаль, что по неведомым причинам Пушкин исключил из окончательной редакции текста эти строки, летящие, как всегда, а по содержанию — «реабилитирующие» в какой-то степени Ольгу.

В довольно давние теперь уже времена, в послевоенном Ленинграде был известный во всех редакциях и издательствах книжник, беседы и встречи с которым кончались всегда одинаково. Прощаясь, он говорил: «Мало читаете, дети мои…». И «молодежи», что двадцати, что шестидесятилетней, нечего было возразить.

Теперь мне хочется сказать вслед за ним:

— Мало читаем, дети мои! Не пора ли перечитать классиков, причём по полным собраниям сочинений.

Нас ждут 30 томов Тургенева, 30 — Достоевского, Толстого — 90 томов. А Пушкина — 10… Начнем с Пушкина?

Рисуй Олениной черты

В Музее личных коллекций в Москве зимой 2005/06 года работала выставка «Парижские находки». Украшением ее оказались несколько миниатюр: портрет Пушкина, портреты его тестя и тещи — молодых, стройных, красивых (и откуда только берутся потом зловредные тещи?). Там же портреты нескольких женщин из ближнего пушкинского круга. Невольно заставляет всматриваться в себя и задумываться портрет женщины, хорошо знакомой по стихам Пушкина, но здесь уже — зрелой, располневшей матроны. Очень трудно найти здесь черты юной красавицы, кружившей голову Пушкину и не только ему. Пушкин знал ее девочкой, после южной и михайловской ссылок — юной, прелестной девушкой, которой он всерьез увлекся, мечтал о браке, и сватался, но получил отказ и от нее, и от родителей.

Пушкин написал и посвятил ей 10 стихотворений, некоторые стихотворения вписаны им собственноручно в ее альбом.

А она? Понимала и боготворила его талант.

Боялась поднять на него глаза во время первого танца.

Потом встречалась и флиртовала с ним; по некоторым сведениям, и тайно.

Влюблялась не раз и со страхом и надеждой ждала предложений о замужестве (но не от Пушкина!).

Искренне переживала гибель поэта.

Вышла замуж в итоге не поздно, а очень поздно по тем временам — на 32-м году, когда Пушкина уже не было; но прожила с мужем 45 лет и еще три года вдовой, и почти все это время — вне Петербурга и Москвы. Родила и воспитала сына и трех дочерей, а первого младенца потеряла после трехдневных мучительных родов.

Почти всю жизнь прятала на дальних чердаках свои дневники и посвященные ей стихи.

И только овдовев, в последние годы жизни открыла она дочери и внучкам заветные записи, дневники и альбом более чем полувековой давности, завещав ничего не публиковать. Взрослые внучки, к счастью для нас, сочли не вправе дальше прятать ее записи и пушкинские автографы — они пришли к нам через 110 лет:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

Да, мы говорим об Анне, Аннет, Анне Алексеевне Олениной (по мужу Андро), дочери видного и близкого ко двору сановника — камергера, директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина.

Его петербургская квартира и усадебный дом в Приютине (ныне заново восстановленный как музей) всегда были открыты для цвета поэзии и художеств своего времени, и Анну с самого раннего детства окружали прославленные или прославившиеся впоследствии имена. И юная Анна Оленина вдохновила не только Пушкина. Гнедич, постоянно бывавший в их доме, посвятил ей семь стихотворений, Козлов — два, есть еще менее известные Лобанов и Мейендорф. Лермонтов на месте сочинил и вписал в альбом свой экспромт из восьми строк. Иван Андреевич Крылов специально для нее сочинил басню.

Что до Пушкина… он подарил Анне (и нам) такие шедевры, как «Увы, язык любви болтливый…», «Зачем твой дивный карандаш…», «Ее глаза», «Ты и вы», «Не пой, красавица, при мне…», «Город пышный, город бедный…».

Всё это написано в бурном для Пушкина 28-м году. Убедившись к концу года, что его надежды на брак несбыточны, Пушкин пылал временами чувствами досады и мести: на общих балах демонстративно ухаживал за другими женщинами; пытался отомстить ей и не где-нибудь, а в «Евгении Онегине», но не легла его ярость онегинской строфой, осталась отдельными строчками в черновиках. Уже в апреле 1829 года было сделано первое предложение Н. Н. Гончаровой (поначалу, как мы знаем, тоже отвергнутое), но Оленина еще «прорывалась» в это время то строчками к восьмой главе «Евгения Онегина», то рисунками на полях… Отношения же их в это время были напряженными, чтобы не сказать враждебными.

Но вот в компании ряженых 12 января 1830 года Пушкин оказался в доме Олениных. Узнан, оставлен в доме, а в альбоме Анны появились знаки примирения и сожаления — едва ли не лучшие пушкинские строки:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В моей душе угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;

Я не хочу печалить вас ничем.

А на обороте того же листа пушкинской рукой вписано знаменитое стихотворение «Что в имени тебе моем…», но это уже адресовано Каролине Собаньской. Оба стихотворения опубликованы Пушкиным в том же году, но без посвящений. А подлинные автографы пришли к нам через 110 лет, когда в Париже в 1936 году внучатая племянница Анны Алексеевны, Ольга Николаевна Оом, впервые предала гласности дневник Олениной и пушкинские записи.

В следующий и, наверно, в последний раз Пушкин оказался в доме Олениных в 1833 году — очевидно, это было в день похорон Н. И. Гнедича. И тогда Пушкин дописал тут же, после стихотворения «Я Вас любил», одну строчку: «plusqueparfait — давно прошедшее. 1833».

Есть подозрение, что именно из-за этой строчки почти восьмидесятилетняя уже Оленина запретила открыть миру свой альбом. Наверно, это как раз по-женски: отвергнуть Пушкина, благосклонно принять «Я вас любил», но не простить этих двух слов — «давно прошедшее»…

Но кого же все-таки она предпочла Пушкину? Или, скажем корректнее: кто оказался ее мужем? Это Федор Александрович Андро — сын француза-эмигранта первой волны, на русской службе сделал хорошую карьеру. На год свадьбы он — 36-летний полковник лейб-гвардии гусарского полка, в котором служил и Лермонтов. После четырех лет службы в Петербурге и перехода в статскую службу получил назначение к генералу Паскевичу — наместнику Царства польского. В течение 16 лет был президентом его столицы — Варшавы, потом сенатором.

В сложном русско-польском аристократическом обществе дом Андро был и по уставу, и по существу центром этого общества, а Анна Алексеевна — его душой. Вот где пригодились ей традиции петербургского оленинского дома с его радушием и гостеприимством. Правда, в варшавском доме имени Пушкина и связанного с ним блестящего прошлого Олениной не должно было существовать даже как воспоминания.

Ф. А. Андро имел приятную внешность, доброе сердце, но тяжелый, обидчивый и ревнивый нрав. На службе — аккуратный и честный формалист, для жены он считал вполне достаточным заниматься воспитанием детей и приемом гостей в табельные дни. 40 лет, всю вторую половину жизни Анна Алексеевна провела в Варшаве, выезжая иногда с мужем во Францию, где у него оставался наследственный замок

в Ланжероне. Там он и был похоронен в 1885 году.

Овдовевшая Анна Алексеевна прожила после этого еще три года в имениях сына и дочери в Волынской губернии. Именно там извлекла она из сундучка свой архив, где он находился после сорокалетней ссылки. Дочь и внучки с интересом разглядывали письма, веера с автографами великих людей, бальные книжечки с записанными в очередь именами партнеров по танцам, включая Пушкина и Вяземского, театральные трубки, афиши и многое другое… Там же были отлитые в бронзе рука и ножка юной Аннет работы скульптора Гальберга, который отливал и посмертную маску Пушкина. И снова хочется спросить: кто же еще даже в галантном XIX веке получил в одни руки 10 стихотворений Пушкина и еще 15 — других поэтов, от Крылова до Лермонтова, и чья ножка была воспета и увековечена — в бронзе и в стихах.

Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.
И это всё о ней.

Первое большое путешествие Пушкина

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Известно, что Пушкин много путешествовал. Число и протяжённость его маршрутов составили бы честь готовому «к перемене мест» нашему современнику. Правда, не все поездки совершались по воле Александра Сергеевича. Так, первое большое и весьма значимое в его жизни путешествие было… в ссылку.

Сначала вспомним о самых первых путешествиях поэта, когда, собственно, не он ездил, а его возили. Пушкин родился 6 июня (26 мая по старому стилю) 1799 года, а уже в сентябре того же года его на два месяца увезли в «сельцо Михайловское Опочицкого уезда Псковской губернии» — родовое имение отца, Сергея Львовича Пушкина.

В 1800 году (весной или летом) семья уехала примерно на полгода из Москвы в Петербург. Более точных свидетельств и документов не сохранилось. Достоверно известны только сами факты этих двух поездок. Когда Пушкины вернулись в Москву (очевидно, осенью 1800 года), Александру было полтора года, сестре Ольге — три, а в марте 1801 года родился брат Николай.

И в наше время не всякая семья решится на такие переезды с совсем маленькими детьми, притом что условия и длительность путешествий не идут ни в какое сравнение с прежними. Если же учесть ещё частые переезды родителей Пушкина с одной квартиры на другую, то надо признать, что были они люди беспокойные, или безалаберные, или легкие на подъём, или всё вместе, и Александр просто унаследовал эти их качества.

Детские годы, вплоть до отъезда в Петербург для поступления в лицей, Пушкин с семьёй жил в Москве. Правда, в 1805—1809 годах каждое лето, с мая по сентябрь, семья проводила в селе Захарове, купленном бабушкой в 1804 году. (Сейчас эта подмосковная усадьба вместе с домом и другими постройками воссоздана заново, там проходят в пушкинские дни многолюдные праздники.) Надо думать, поездки в деревню укрепили здоровье детей, и это позволило выжить и Александру, и его старшей сестре Ольге, и младшему брату Льву. Ещё четверых детей Сергея Львовича и Надежды Осиповны деревня не спасла. Брат Николай умер в шестилетнем возрасте (Пушкин

его упоминал в автобиографических записках), брат Платон — в двухлетнем, сестра Софья прожила чуть больше года, а брат Павел — всего пять месяцев. Только трое детей из семи смогли перешагнуть порог детской смертности, обычный для России XIX века: половина детей и в дворянских семьях, и в крестьянских умирала в возрасте до десяти лет. Страшно представить себе, что Пушкин мог оказаться в их числе!

…В июле 1811 года юный Александр в сопровождении дяди Василия Львовича и его гражданской жены А. Н. Ворожейкиной едет в Петербург. Три месяца уходят на хлопоты и ожидание, и, наконец, Пушкин — лицеист. 19 октября состоялось торжественное открытие лицея. В Москве перед отъездом тётка и бабушка подарили Александру «на орехи» 100 рублей, но Василий Львович взял их у него «взаймы», а вот отдал ли — неизвестно. Кажется, это был единственный случай, когда задолжали Пушкину, — большую часть своей сознательной жизни он сам был в долгах…

Режим в лицее был достаточно жёстким, можно сказать полувоенным. О путешествиях или выездах за пределы Царского Села не могло быть и речи. Лицеисты оставались там даже на летние каникулы. Это был всего один месяц — июль, уже первого августа занятия возобновлялись. Только однажды летом воспитанников возили по окрестностям — в Павловск, Колпино, Ораниенбаум, и только раз небольшая часть лицеистов, имевших родных в Петербурге, провела рождественскую неделю в столице. Родители Пушкина к тому времени жили в Петербурге, и на рождественской неделе Александр был дома. Единственный раз за шесть лет.

9 июня 1817 года в лицее состоялся выпуск. Через два дня Пушкин покидает Царское Село. Последующие три года он живёт в Петербурге с родителями «в Коломне на Фонтанке, близ Калинкина моста». В числе семи выпускников Пушкина определили в Коллегию иностранных дел в чине коллежского секретаря (десятый класс из 14 в табели о рангах) с жалованьем 800 рублей в год.

3 июля 1817 года Пушкин подаёт прошение об отпуске и через неделю уезжает с родителями, сестрой и братом в Михайловское, бывает также в Тригорском и Петровском. Через два года Пушкин снова берёт отпуск в Коллегии и уезжает в Михайловское на месяц. Выходит, он трижды побывал там ещё до большой ссылки.

Вернёмся к 1817 году. С последних чисел августа Пушкин снова в Петербурге и считается на службе, но, судя по письму директора лицея Е. А. Энгельгардта, «ничего не делает

в Коллегии, он даже там не показывается». Так или иначе, три года продолжалась его бурная петербургская жизнь. Стихи, опубликованные, неопубликованные и приписываемые Пушкину, передавались из уст в уста. Они буквально взорвали петербургское общество, и, наконец, терпение правительства и императора лопнуло.

«Пушкин наводнил Россию возмутительными стихами», — заявил Александр I. После этих слов поэта ждала ссылка. Однако благодаря усилиям старших друзей, включая Жуковского, северная ссылка была заменена южной «полуссылкой».

В мае 1820 года Пушкин отправился в распоряжение генерала И. Н. Инзова в Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Перед дорогой ему выдали 1000 рублей — это было довольно щедро, так как непосредственно «на проезд» требовалось около половины, а годовое жалованье Пушкина составляло 800 рублей. Статус его был не ссыльного, а курьера. Пушкин вёз Инзову императорский рескрипт о назначении генерала наместником Бессарабии.

Это было первое большое путешествие поэта из многих, ещё предстоявших. До этого, как уже упоминалось, он совершил 11 переездов, преодолев в общей сложности около 5 тысяч километров. Получается, что за 21 год жизни, ещё до южной ссылки, Пушкин провёл в Москве и Захарове одиннадцать лет, в Петербурге и Царском Селе — девять с половиной лет, в Михайловском — четыре месяца и в дороге два месяца.

Итак, в мае 1820 года Пушкин в сопровождении своего постоянного «дядьки» Никиты Козлова выехал из Петербурга. Через 12 дней, преодолев 1600 вёрст (верста на 67 метров больше километра), он был в Екатеринославе, где провёл девять дней, поскольку заболел «лихорадкой» после купания в Днепре. 28 мая Пушкин с согласия Инзова присоединился к семейству Раевских. Дальше они ехали вместе на Кавказ, потом морем в Крым и уже сухопутным путём, через Симферополь и Одессу, — в Кишинёв, в постоянную резиденцию генерала.

Четыре с половиной месяца (с 6 мая по 21 сентября) заняло это первое большое путешествие поэта. Оно исключительно благотворно повлияло на его творчество. Опальный, поднадзорный, ожидающий ссылки, Пушкин перестал писать стихи ещё в Петербурге. Пауза длилась практически полгода, и только к концу путешествия на Кавказ к нему вернулись поэтический дар и жажда его воплощения.

Это было в Гурзуфе, куда рано утром 18 августа пришёл из Тамани с остановкой в Керчи военный бриг. На борту были семья Раевских и А. С. Пушкин. Он впервые плыл по морю,

впервые увидел с воды крымский берег и горы.

Здесь, в Крыму, он окончательно ожил и оттаял в окружении прекрасной южной природы и милого его сердцу семейства Раевских. В Гурзуфе же после довольно долгого молчания была написана первая крымская элегия, переписанная потом набело в Кишинёве:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман,
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной угрюмый океан.
Я вижу берег отдалённый,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоённый…

Раевские и Пушкин жили в большом доме герцога Ришелье, с открытой террасой, видом на море и на татарскую деревню. Этот дом сохранился, и там давно уже музей Пушкина.

Кавказские и крымские впечатления в последующем много раз будут появляться в его сочинениях. «Прекрасны вы, брега Тавриды», — напишет он в «Евгении Онегине». Пушкин задумал свой знаменитый роман именно в Гурзуфе. Тому есть письменное признание самого поэта в письме к Вяземскому.

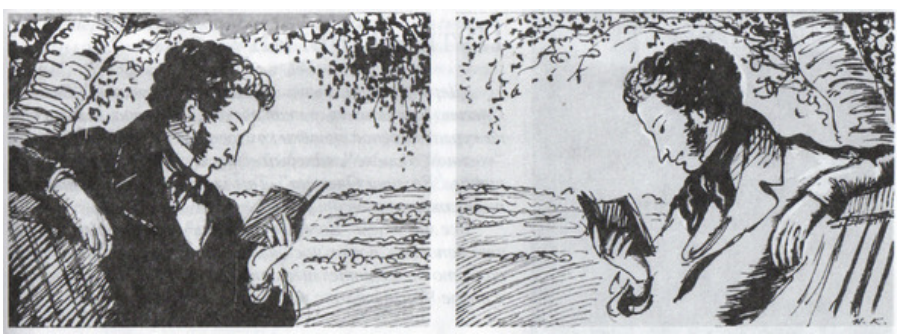
Когда биографы Пушкина пишут: «Ехал вместе с Раевскими», это означает, что ехали две кареты и коляска. В них размещались Раевский-старший — генерал Николай Николаевич, Раевский-младший — сын Николай, дочери Мария и Софья, гувернантка, компаньонка Марии и крестница Н. Н. Раевского Анна Гирей, француз Фурье и врач Е. П. Рудыковский, а в Гурзуфе их ждали уже жена генерала Софья Алексеевна с дочерьми Екатериной и Еленой. Пушкин ехал в открытой коляске с Раевским-младшим, иногда он пересаживался в карету к генералу.

В таком окружении Пушкин не мог не влюбиться. Не секрет, что влюблён он был в самую младшую дочь генерала — пятнадцатилетнюю Марию. Она знала это, но относилась к Пушкину спокойно, даже с иронией. «Как поэт, он считал своим долгом быть влюблённым во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми встречался… В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал всё, что видел», — писала через много лет Мария Николаевна. А Пушкин не оставлял без внимания и старшую сестру Марии — Екатерину, и компаньонку Анну Гирей. Но именно Марии Раевской, в замужестве Волконской, посвятил он несколько стихотворений,

ставших поэтическими шедеврами. И хотя напрямую имя её в стихах не упоминается (Пушкин специально об этом заботился), она незримо присутствует в его второй крымской элегии «Редеет облаков летучая гряда», в стихотворении «На холмах Грузии лежит ночная мгла», в посвящении к «Полтаве». А XXXIII строфа в главе I «Евгения Онегина» — это воспоминание об остановке на берегу моря перед Таганрогом, когда путешественники вышли из кареты и любовались морем, а Пушкин смотрел, как Мария Николаевна бегала по берегу, играя с волнами.

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к её ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!

В это время в Петербурге вышло из печати первое крупное произведение Пушкина — поэма «Руслан и Людмила». Серьёзный гонорар за неё — 1000 рублей — догнал его уже в Кишинёве. Туда же пришло предписание о взыскании с Пушкина 2000 рублей по заёмному письму. Увы, долги поэта росли быстрее его доходов.



В Гурзуфе Пушкин прогуливался по окрестностям, купался в море, знакомился с бытом татарской деревни. Так прошли три недели. Верхом со старшим и младшим Раевскими он ездил в Никитский сад, Ялту, Бахчисарай — до Симферополя. Выезд из Крыма и дальнейший путь до Кишинёва был уже на почтовых. Как чиновнику 10-го класса, ему полагалась тройка лошадей с предъявлением подорожной и оплатой прогонов наличными на каждой станции. На почтовых проезжали обычно 130 — 170 вёрст в день.

Всего от Петербурга до Кишинёва набирается под 3,5 тыс. км, а вместе с последующей через четыре года настоящей ссылкой в Михайловское — под 5 тыс. км. Путь от Одессы до Пскова ему приказано было совершить без остановок, и он преодолел 1620 вёрст за восемь дней — по 230 км в день — неплохо даже по нашим временам.

Итак, к 24 годам у Пушкина за плечами было 10 тыс. км дорог (или бездорожья, это как считать). Однако впереди были новые путешествия: многократно из Москвы в Петербург и обратно, в Болдино, в Оренбург. Самое большое путешествие поэта состоялось в 1829 году, когда он самовольно взял подорожную до Тифлиса, а потом двинулся дальше и с действующей армией дошёл до турецкого Арзрума, то есть побывал всё-таки «за границей», будучи в глазах царской власти «невыездным». Это путешествие заняло полгода, за которые Пушкин преодолел 7 тыс. км. О возвращении домой он написал в стихотворении «Дорожные жалобы» 1829 года, с которого начат и заканчивается этот рассказ:

То ли дело рюмка рома,/Ночью сон, поутру чай; /То ли дело, братцы, дома!.. /Ну, пошёл же, погоняй!..

Путешествие в Арзрум и «Путешествие в Арзрум»

Их отделяет почти семь лет — само путешествие 1829 года и публикацию произведения «Путешествие в Арзрум» в 1836 году в первом номере издаваемого самим Пушкиным журнала «Современник».

Среди бесчисленных передвижений Пушкина большая часть приходится на треугольник Петербург — Москва — село Михайловское. Но были, как известно, три больших путешествия: в южную кишинёвскую полуссылку в 1820 году; третьим было путешествие в Оренбург в пугачёвские места в 1833 году. Но особое место занимает второе и самое большое путешествие Пушкина, закончившееся в турецком Арзруме.

Восемь месяцев и под семь тысяч вёрст в общей сложности — таковы масштабы этого самовольного путешествия. Пушкин ехал и останавливался где хотел, встречался — с кем хотел, вообще вёл себя как свободный человек.

В Петербурге к началу 1829 года Пушкин был угнетён, в состоянии депрессии, как сказали бы сейчас — на почве сложных отношений с властями и из-за неудачного сватовства. В марте он получает подорожную до Тифлиса, подписанную петербургским почт-директором Булгаковым «на основании свидетельства частного пристава», обойдя своих высших надзирателей — Бенкендорфа и Николая I. 10 марта он уже выезжает в Москву, где задержится на полтора месяца.

Уже 21 марта управляющий канцелярией III отделения Фон-Фок докладывает Бенкендорфу, а тот — Николаю I о самовольстве Пушкина, чем они были крайне недовольны. Но в записке Фон-Фока были и такие слова: «… господин поэт столь же опасен для государства, как неочиненное перо. Ни он не затеет ничего в своей ветреной голове, ни его не возьмёт никто в свои затеи…. Предоставьте ему обойти свет, искать дев, поэтических вдохновений и — игры». В итоге его пока оставили в покое, но все губернаторы на пути его следования обязаны были вести за ним секретный надзор и докладывать обо всём в Петербург. Что они и делали, но при этом принимали Пушкина везде торжественно и с почётом, слава поэта опережала любые предписания.

В Москве в начале апреля Пушкин был представлен через Ф. И. Толстого («американца») Гончаровым и стал часто посещать их дом, где был, по свидетельству брата Натальи Николаевны,

«очень застенчив». Перед самым отъездом из Москвы Пушкин через того же Толстого просит руки Н. Н. Гончаровой, но мать, Н. И. Гончарова, откладывает ответ, ссылаясь на то, что дочь слишком молода. Это ускорило отъезд Пушкина из Москвы.

«Из Москвы поехал я на Калугу, Белёв и Орёл и сделал, таким образом, двести вёрст лишних; зато увидел Ермолова», — это уже запись самого Пушкина в журнале своего путешествия. Посещение ген. Ермолова тоже было вольностью, так как тот был уже в опале, его сменил в командовании кавказской армией ген. Паскевич, о котором Ермолов высказывался с иронией. В первой публикации «Путешествия в Арзрум» страницы, посвященные встрече с Ермоловым, пришлось даже исключить.

А вот небольшой город Белёв на пути к Орлу упоминается Пушкиным вскользь. Однако есть предположения, что Пушкин специально останавливался в Белёве, чтобы почтить память умершей там несколькими годами ранее императрицы Елизаветы Алексеевны — вдовы императора Александра I. Больше того, теперь обсуждается иногда версия, что именно Елизавета Алексеевна была той самой потаённой и пожизненной любовью Пушкина, начиная со дня открытия Царскосельского лицея, где она присутствовала со всей царской семьёй. И понятно, что писать о ней даже в личном своём дневнике Пушкин не мог.

Путь его дальше лежал через Воронеж, Новочеркасск и Владикавказ, откуда начиналась уже Военно-грузинская дорога, недавно усилиями армии ставшая «колёсной», то есть проезжей и для повозок. Тем не менее, Пушкину пришлось перед перевалом отправить свою коляску обратно во Владикавказ и продолжать путь до Тифлиса (Тбилиси) частично верхом и даже пешком. Зато теплая Грузия и Тифлис произвели на Пушкина очень благоприятное впечатление, он задержался в Тифлисе на две недели. Там его знали и ждали. В дальнейшем Тифлис оказался пятым городом в мире, в котором был воздвигнут в 1892 году памятник Пушкину.

На дальнейшем пути через Армению у Пушкина произошла знаменательная встреча. Возле крепости Джелал-Оглы он встретил арбу, с трудом поднимавшуюся по дороге в сопровождении нескольких грузин. В своём произведении Пушкин пишет: «Откуда вы?» — спросил я их. «Из Тегерана», — «Что вы везёте?» — «Грибоеда» — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис». Так последний раз суждено было встретиться двум Александрам Сергеевичам…

Догнав, наконец, армию, Пушкин утром 12 июня выехал верхом из Гумри в сопровождении казака, и достиг вскоре реки Арпачай (ныне река Ахурян).

«Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видел я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное… Добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоёван: я всё еще находился в России».

Поздним вечером под проливным дождём Пушкин въехал в Карс, где нашёл ночлег и теплое гостеприимство в армянских семьях при молчаливой враждебности турок. Карская крепость, считавшаяся неприступной, была взята русскими войсками годом раньше после кровопролитных боёв, в которых отличились, как всегда, сосланные сюда декабристы.

На следующий день Пушкин двинулся дальше, через два часа увидел, наконец, русский лагерь и вскоре был в палатке своего

друга Н. Н. Раевского младшего, тоже переведённого на Кавказ за тесные связи с декабристами. За отличие в русско-персидской и русско-турецкой войнах он, тем не менее, в 26 лет стал генералом, но в дальнейшем был отстранён от командования Нижегородским драгунским полком уже за слишком хорошее отношение к «настоящим» декабристам, многие из которых были ещё раньше разжалованы в рядовые.

Теперь уже в присутствии Пушкина молодые генералы рассуждали о предписанном им движении к турецкой крепости Арзрум. За считанные дни эта крепость была взята, а точнее — сдалась после разгрома нескольких турецких отрядов на подступах к ней и по настоянию армянской части населения.

Пушкин и сам участвовал в боях с турками при взятии Арзрума, побывал во всех горячих точках, скакал с пикой на лошади. При этом оставался во фраке — единственный в окружении военных в мундирах.

В Арзруме Пушкин три недели жил во дворце сераскира вместе с генералом Паскевичем и его штабом. При отъезде Пушкин получил от него в подарок саблю. Но надежды Паскевича на прославление своих побед гением Пушкина не оправдались. Добавим ещё, что Карс и гора Арарат оставались в составе Российской империи до 1920 года, а г. Арзрум был возвращен Турции по Адрианопольскому мирному договору по окончании этой, одной из десяти, русско-турецких войн.

И вот еще одно свидетельство Пушкина из «Путешествия в Арзрум»:

«Один из Пашей, увидев меня во фраке, спросил, кто я таков. Пущин (это брат лицейского друга Пушкина — прим. авт.) дал мне титул поэта. Паша сложил руки на грудь и поклонился мне, сказав через проводника: «Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат Дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются».

А на обратном пути, во Владикавказе:

«… На столе нашёл я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня за мои стихи…. Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве».

Обратный путь, снова с длительной остановкой в Москве, завершился только 10 ноября. Предстояли тягостные объяснения с Бенкендорфом и Николаем I. А в Москве, где он прямо с дороги явился к Гончаровым — снова неопределённый ответ будущей тёщи на его сватовство.

В 1830 году Пушкин опубликовал в «Литературной газете», издаваемой Дельвигом, отрывок из записей «Военно-грузинская дорога», после цензурной правки самого Николая I и не имел планов возвращения к этой теме. Но в 1834 году в Париже была напечатана книга французского дипломатического агента и писателя Виктора Фонтанье «Путешествие на Восток… с 1830 по 1833 год…». Книга была направлена против всей восточной политики Николая I, дискредитировала значение военных побед Паскевича и при этом в ней дважды с иронией упоминался Пушкин… (а вот «у турок не было бардов в их свите…»).

Пушкин счёл необходимым выступить, так появилось «Путешествие в Арзрум» с энергичным «Предисловием», частично основанные на его путевых записках. Отдельной книги не удалось издать, и напечатано всё было в собственном «Современнике», в первом его номере. Теперь произведение входит во все Собрания сочинений, остаётся интереснейшим литературным и историческим документом. Многие суждения Пушкина о положении дел на Кавказе и политике русского правительства актуальны и до сих пор.

Что касается самого путешествия… Пушкин подарил себе восемь месяцев относительной свободы, а нам — еще семь лет (или только семь лет?) творчества, где и явно, и незримо будут присутствовать все его путешествия.

Пушкин: 100 лет «чуткой» цензуры

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, *слова, слова, слова*.
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права…

Итак

И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.

Пушкин лукавит, вместе с нами смеется сквозь слёзы, потому что совсем было ему не всё равно, и с цензурой он был связан одной цепью при жизни, остаётся связан после смерти почти весь 19-й век, проржавевшие и частично порвавшиеся её цепи сохранились в 20-м веке, а следы их видны и в нашем, 21-м.

Если начать с этого же прекрасного, всё более актуального и в наши дни стихотворения «Из Пиндемонти», написанного уже в конце жизни, в 1836 году (при жизни и в посмертном Собрании сочинений оно не было и не могло быть опубликовано, хотя сам Пушкин уже провёл «самоцензуру», как мы сказали бы сейчас),

оно должно было начинаться иначе (первые строки сохранились в черновике):

При звучных именах Равенства и Свободы
Как будто опьянев, беснуются народы
Но мало я ценю задорные права
От коих не одна кружится голова.

Заголовок «Из Пиндемонти» — тоже хитрость Пушкина, попытка как бы «разделить ответственность» с малоизвестным итальянским поэтом, ныне совсем уже забытым.

И даже на Шекспира он опирается, добавив авторскую сноску: *«слова, слова, слова»* (Hamlet). Однако всё это были слабые прикрытия. Стихотворение не было даже представлено цензуре ввиду полной безнадёжности, не было опубликовано при жизни, не попало в посмертное «Полное Собрание сочинений» и в итоге шло к нам… почти 100 лет, буквально по строчке.

Итак, в самом первом (посмертном) подписном Полном Собрании сочинений Пушкина, имевшем тираж 218 экземпляров (на всю Россию!), впервые были опубликованы «Медный всадник», «Капитанская дочка» и несколько стихотворных шедевров, включая «Я памятник себе воздвиг», подвергшийся, однако, существенной правке (не литературной, конечно, а чисто цензурной, сделанной Жуковским): строка «Александрийского столпа», например, была заменена на строку «Наполеонова столпа», и с такой правкой оставалось до февральской революции 1917 года). Стихотворения « (Из Пиндеонти)» как бы и не существовало.

Следующее Собрание сочинений (под редакцией Анненкова) появилось только в 1855—57 гг. и в 1-м его томе (в «Материалах для биографии А.С.Пушкина») впервые появились только пять последних строк этого стихотворения, а в 7-м томе полный текст стихотворения, но за вычетом строк 5, 12, 13 и 15, в которых упоминаются слова «царь» или «власть».

1889-й год — год 50-летия со дня смерти Пушкина. Кончились авторские права семьи и появились недорогие Собрания сочинений А. С. Пушкина, в которые были включены и стихотворение « (Из Пиндемонти)» по-прежнему без четырёх крамольных строк и с исправленной 20-й строкой.

Февральская революция 1917 года сняла, наконец, все барьеры на нашем пути к Пушкину. В 20-е же годы, по окончании гражданской войны, наступил настоящий расцвет пушкиноведения. В 1922 году был опубликован весь текст стихотворения со всеми вариантами, и только в 1930 году был

найден и опубликован беловой автограф самого Пушкина, а в 1934 году Томашевским был исследован и опубликован черновой автограф. То есть, без нескольких лет целый век шёл к нам этот шедевр гражданской лирики Пушкина, со средней скоростью «4,5 года на строку». «Искусствоведы в форме и в штатском» всегда лучше знали, что нам можно читать, а до чего мы ещё не доросли…

Вообще же Пушкин при жизни испытывал гнёт «многослойной» цензуры. Возвратив Пушкина из михайловской ссылки, Николай I объявил ему, что сам будет его цензором (правда, через посредника, того же Бенкендорфа). Поначалу Пушкин даже обрадовался, что будет избавлен от официальной цензуры. Но не тут то было! Бюрократия, особенно в части аппарата надзора и насилия, живёт по своим законам, и даже царь ей не указ. Обыкновенная государственная цензура осталась и с ней-то больше всего приходилось спорить, бороться, в конечном счёте подчиняться ей. Милостивая царская цензура — тоже не сахар, как мы знаем. Достаточно вспомнить о совете переписать Бориса Годунова на манер Вальтера Скотта. Даже царедворец Жуковский ужаснулся, поняв при разборе бумаг Пушкина после его смерти степень поднадзорности поэта и его произведений.

Но в ответственных случаях включалась ещё духовная (а точнее было бы сказать — клерикальная) цензура. Одним из таких случаев была неуместная, с точки зрения церкви, строка «И стаи галок на крестах…» в «Евгении Онегине»… И цензору пришлось вступать в переписку с церковниками и доказывать, что эти слова не унижают и не принижают православную церковь. А «Сказка о попе и работнике его Балде вообще была переделана Жуковским на «Сказку о купце и работнике его Балде». Была ещё, правда, «Гаврилиада», за которую Пушкину грозили большие неприятности, пришлось каяться перед Николаем I… И была ещё вынужденная самоцензура…

А что сказать про наши времена? Есть ли следы цензуры для Пушкина? Это как считать… В советские времена Пушкин побывал и революционером, и царедворцем, и «сбрасывали его с корабля современности». В стране «с непредсказуемым прошлым» в зависимости от политического времени одни произведения поэта поднимались на щит (и на концертные площадки, и на университетские кафедры), другие уходили в тень. В период антиалкогольных компаний вызывали подозрения всякие там «Вакхические песни». Стихотворение «Клеветникам России», написанное после подавления польского восстания 1830 года, вызывало резкую критику даже некоторых

друзей-современников за «великодержавность». На недавней выставке «Пушкин — Мицкевич» обе «стороны» согласились с тем, что «из песни слова не выкинешь» и не нужно цензурировать ни Пушкина, ни Мицкевича.

Возвращаясь к « (Из Пиндемонти)» (или «якобы Пиндемонти») — на этом стихотворении лежит ещё печать разочарования Пушкина (и не только его) в конечных результатах прокатившихся в Европе в 1830 году буржуазных революций, заменивших кое-где монархии парламентскими говорильнями.

И последнее… Как-то и в наше время это стихотворение остается в тени, нехрестоматийным… Или подспудно у любой власти вызывает подозрение как желание, так и нежелание поэта «мешать царям друг с другом воевать»?

Так или иначе, Пушкин объяснил нам, что есть «Вот счастье! вот права…». Имеющий уши — да слышит.

Парнасский наш отец

Полтора года назад, в день рождения Александра Сергеевича Пушкина, шестого июня 2013 года в Москве, на Старой Басманной улице, открылся ещё один филиал Государственного музея А. С. Пушкина — «Дом-музей Василия Львовича Пушкина», родного дяди нашего великого поэта. Перед этим 15 лет ушло на подготовку, проект и тщательную реставрацию. В основе своей (редкий случай для Москвы) этот деревянный дом сохранил

фундамент и стены с 1820 года, когда он был построен в «послепожарной» Москве. Научная реставрация восстановила все интерьеры и планировку дома, добавила только заново отстроенные подвальные площади как вспомогательные помещения для персонала и посетителей.

По фасаду одноэтажный дом в девять окон не кажется большим, вход со двора и здесь видны ещё антресоли, то есть фактически второй этаж. В XIX веке, как и полагалось, был ещё флигель с конюшней, каретным сараем и погребом. Эти помещения не сохранились. Внутри же мы проходим по семи комнатам, включая гостиную, столовую, кабинет Василия Львовича, и на антресольном этаже еще две просторные комнаты, в одной из которых останавливался Александр Пушкин. Мебель, вещи, украшения, книги — того времени. Обширная библиотека Василия Львовича сгорела ещё во время оккупации Москвы французами, потом была частично восстановлена, а после его смерти была продана и рассеялась. Тем не менее, и сейчас в шкафах хранится 800 книг пушкинского времени и постепенно воссоздаётся «аналог» библиотеки Василия Львовича. При этом можно вспомнить, что Василий Львович владел пятью иностранными языками, и книги его были тоже на нескольких языках.

Сам дом имеет свою почти 200-летнюю историю. Деревянные дома «немецкой слободы» выгорели во время большого московского пожара 1812 года почти полностью. При последующем интенсивном восстановлении Москвы вдова титулярного советника Кетчер приобрела участок на пожарище, и там по выбранному проекту был в 1820 году построен настоящий дом — из деревянного бруса, но ещё и обшитый досками и покрашенный под камень. Всё это соответствовало канонам того времени, как и двор с флигелем, конюшней и каретным сараем.

И вот в 1824 году Василий Львович снял этот дом в аренду на год, со всеми пристройками. В условии договора было всё предусмотрено, от возможности продления срока до вероятного пожара (если по своей вине — надо было выплатить полную стоимость дома, а если из-за молнии или из-за соседей, то ничего не надо было платить). Аренда и продлена была не раз, до 1827 года, когда этот дом был продан, а Василий Львович переехал, но недалеко, в доставшийся ему по наследству дом любимой сестры Анны Львовны. Конечно, дом был заполнен домочадцами и дворней. Это его гражданская жена Анна Николаевна Ворожейкина, их дети — сын и дочь — «незаконные», поэтому жившие на правах воспитанников. Дворовых

(в большинстве — своих же крепостных), было вместе с детьми до 20 человек. Особенно Василий Львович гордился своим поваром, а постоянный его камердинер вообще считался даже поэтом.

Дом называют теперь и музеем дворянского быта, однако же освящён этот дом именем поэта Василия Львовича Пушкина, родного брата Сергея Львовича. У их отца — Льва Александровича Пушкина, были ещё две дочери, Анна и Елизавета, и трое сыновей от первой, умершей при родах жены. Он вышел в отставку с чином артиллерии подполковника и женился вторично на Ольге Васильевне Чичериной. Невеста была с богатым приданым и сам Лев Александрович тоже был достаточно богатым помещиком, с несколькими имениями на 3,5 тыс. крестьянских душ и большим домом на Божедомке в Москве с усадьбой в несколько гектаров.

Оба брата получили хорошее домашнее образование и к тому же по обычаям того времени были записаны с шести-семи лет в военную службу и, не покидая родительского дома, дослужились до сержантов лейб-гвардии Измайловского полка. Однако после смерти отца в 1790 году оба брата и самом деле пошли на военную службу в «свой» Измайловский полк, будучи тут же пожалованы в офицеры (прапорщики) из сержантов. Служба была не обременительной (по крайней мере, до воцарения Павла I), хватало времени и сил на балы, театры, дружеские пирушки, и главное — на литературные знакомства и первые литературные опыты.

В журнале «Санкт-Петербургский Меркурий» было опубликовано первое стихотворение Василия Львовича «К Камину», подписанное последними двумя буквами:

> Любимый мой Камин! — товарищ дорогой,
> Как счастлив, весел я, сидя перед тобой.
> Я мира суету и гордость забываю,
> Когда, мой милый друг, с собою рассуждаю;

И дальше три страницы таких же лёгких, непритязательных и легко читаемых строк, какими будут заполнены и все будущие стихи и поэмы Василия Львовича. Военная служба братьев не прельщала, тем более, что с воцарением Павла I на смену гвардейским вольностям пришла муштра, и оба они в 1796 году вышли в отставку.

В июле 1795 года Василий Львович обвенчался с 17-летней красавицей Капиталиной Михайловной Вышеславцевой. Они поселились в родовой московской усадьбе на Божедомке, а потом

в усадьбе «У Харитонья в переулке», где Василий Львович с женой, матерью и сёстрами жил до 1804 года. В том же квартале поселился после своей женитьбы и Сергей Львович (отец Александра Пушкина), так что эти две семьи тесно общались на глазах только ещё подрастающего Александра Пушкина.

Брак Василия Львовича с К. М. Вышеславцевой не сложился, и до сих пор не вполне ясна на несколько лет затянувшаяся история с их разводом, предпринятым по инициативе Капиталины Михайловны из-за «прелюбодеяния мужа с вольноотпущенной девкою». Скорее всего, К.М. стремилась к другому браку (и действительно заключила его вскоре и была счастлива с новым мужем и тремя детьми), А Василий Львович по доброте и слабости характера взял вину на себя. За что и был «наказан» церковным судом семилетним покаянием и пожизненным обетом безбрачия.

А пока суд да дело, Василий Львович активно и успешно включается в литературную жизнь, печатает в разных журналах и альманахах свои стихи, признан читателями и братьями-писателями. Своё жизненное и литературное кредо он выразил в более позднем стихотворении 1815 года «Люблю и не люблю».

Люблю я многое, конечно,
Люблю с друзьями я шутить,
Люблю любить я их сердечно,
Люблю шампанское я пить,
Люблю читать мои посланья,
Люблю я слушать и других,
Люблю весёлые собранья,
Люблю красавиц молодых.
Люблю пред милыми друзьями
Свою я душу изливать
И юность резвую с слезами
Люблю в стихах воспоминать.

В 1803 — 1804 гг. Василий Львович совершил большое путешествие в Европу. Москва — Рига — Берлин — Париж — Лондон — Петербург — Москва. Везде и особенно в Париже он жадно впитывает впечатления от городов, людей, картин, литературы. На большом приёме в Сен-Клу он был представлен Наполеону (тогда — первому консулу) и «госпоже Бонапарте, которая принимает всех с величайшей любезностью». Впечатления Василия Львовича отразились в его письмах и стихах. Европейские путешествия были в порядке вещей для дворян в те времена. Только Александр Пушкин оставался всю

жизнь «невыездным»…

Василий Львович был ещё и модником «до мозга костей». Приехал из заграничного путешествия одетым по последней французской моде и демонстрировал её всей Москве. В любое общество он являлся в пышном жабо, с завитыми и надушенными кудряшками. Над ним подсмеивались, но не любить его было невозможно.

Пора обратиться к главному произведению Василия Львовича Пушкина. Это поэма «Опасный сосед», написанная в 1811 году, официально не издававшаяся в России до 1905 года (почти 100 лет!), но широко известная и популярная благодаря спискам и зарубежным изданиям. На этот самиздат и тамиздат власти смотрели сквозь пальцы, потому что причины запрета были не политические, а скорее морально-этические. Главный герой — сосед Буянов (да-да, тот самый, который встретится потом в «Евгении Онегине» на балу у Лариных) — отправляется вместе с автором в бордель, а там затевает большую пьянку и большую драку. Современники узнавали в Буянове своих знакомых (того же Толстого-американца) или других литературных героев (гоголевского Ноздрёва например). И это только добавляло славы автору.

И, наконец, главная тема: дядя и племянник. Именно сюда, в дом Василия Львовича, Александр Пушкин приехал после аудиенции в Кремле у молодого императора, куда он был привезён фельдъегерем, а вышел уже свободным человеком. В доме-музее представлена в антураже своего времени на антресолях просторная комната, в которой останавливался Александр Пушкин. В первый же вечер за ужином у дяди застал его давний друг Соболевский, услышавший о его появлении на балу в доме князя Куракина на той же Старой Басманной улице (телеграфа ещё не было, но беспроволочный телеграф молнией распространил слух о приезде Пушкина).

И в дальнейшем Александр Пушкин неоднократно бывал у дяди, переписывался, обменивались они стихотворными обращениями. Василий Львович в обществе часто и артистично читал стихи Александра, добавляя и свои, что ему великодушно прощали. Но начало было положено ещё в детстве. Именно от дяди юный Александр услышал первые стихи, многие из них запомнил и при случае читал вслух. Богатые библиотеки отца и дяди тоже были в его распоряжении. Именно Василий Львович с Анной Николаевной повезли в 1811 году племянника в Петербург для поступления в Лицей. Василий Львович присутствовал на приёмном экзамене у министра народного просвещения Разумовского. Вместе с другом Александром

Ивановичем Тургеневым были «задействованы» все связи и знакомства.

И, наконец, Александр принят! Василий Львович присутствует на торжественном акте открытия Царскосельского Лицея, потом при своих наездах в Петербург обязательно посещает Лицей. Именно он знакомит племянника с Жуковским, Дмитриевым, Карамзиным. Следит за всеми его успехами, обмениваются они письмами в стихах и в прозе. Есть ещё одна заслуга Василия Львовича перед нами и всей русской словесностью — в 1817 году по окончании лицея Александр Пушкин решил вдруг стать гусаром. Дядя насилу, но отговорил его.

В последние годы жизни Василий Львович уже неважно себя чувствовал, мучился подагрой, но не терял оптимизма и благожелательного отношения к жизни и к людям, продолжал обращаться к друзьям стихами. Вот начало и конец его послания к В.А.Жуковскому:

Товарищ — друг! Ты помнишь ли, что я
Ещё живу в сём мире?
То были в старину с тобою мы друзья,
Что я на скромной лире,
Бывало, воспевал талант изящный твой?
Бывало, часто я, беседуя с тобой,
Читал твои баллады и посланья;
Приятные, увы, для сердца вспоминанья!
…..Я жив, чтоб вас любить, чтоб помнить всякий час,
То вас ещё имею;
Благодаря судьбу, я в чувствах не хладею.
Молю, чтоб небеса соединили нас!

В его последние дни Александр Пушкин был рядом. 20 августа 1830 года Василий Львович отошёл в мир иной на глазах у племянника, Анны Николаевны, Петра Андреевича Вяземского и семейства свой сестры. Александр Сергеевич взял на себя все хлопоты и расходы по похоронам на кладбище Донского монастыря, где уже лежали родители и сестра Василия Львовича Анна Львовна. Все эти могилы и памятники сохраняются в порядке до наших дней. А Александру Сергеевичу пришлось даже отложить на некоторое время свою свадьбу. Очень многие горевали и откликнулись на уход из жизни Василия Львовича.

Из переписки почт-директоров братьев Булгаковых: «Пожалей о бедном В. Л. Пушкине, он скончался вчера у Вяземского

и у племянника-поэта на руках, после двухдневной болезни. Однако же он Вяземского узнал и подал ему руку. Добрый был человек! Что говорил о пеночках, горлицах и ручейках, умрет с ним; но его Сосед Буянов останется памятником дарований его стихотворных. Оставил он детей побочных, только не знаю, успел ли он что сделать для них». Это отдельная тема… Следы двух детей Василия Львовича затерялись, но известно, что Александр Пушкин однажды пересекался со своим «двоюродным братом» в Болдино.

В июле 1830 года, за месяц до кончины, Василий Львович успел передать племяннику своё поэтическое завещание и благословение:

Племянник и поэт! Позволь, чтоб дядя твой
На старости в стихах поговорил с тобой!
Хоть модный романтизм подчас я осуждаю,
Но истинный талант люблю и уважаю.
Послание твоё к вельможе есть пример,
Что не забыт тобой затейливый Вольтер!
Ты остроумие и вкус его имеешь
И нравиться во всём читателю умеешь…

И последние строки, в преддверии свадьбы Александра Пушкина, которую дядя всячески приветствовал:

Блаженствуй! — Но в часы свободы, вдохновенья
Беседуй с музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, язык обогащай
И вечно с миртами ты лавры съединяй!

Это были и вообще самые последние, написанные Василием Львовичем строки… Примем же их и на свой счёт, потому что высшим званием Василия Львовича остаётся — «Парнасский мой отец», а значит, и наш отец тоже, не правда ли?

Путешествие Пушкина… навстречу Радищеву

Радищев — первый подлинный революционер в российской истории. Здесь сошлись во мнениях и «просвещённая» царица Екатерина II («бунтовщик хуже Пугачёва»), Владимир Ильич Ленин («… среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев… в 1905 году рабочий класс создал революционную партию…»), то есть Радищев — во главе этой пирамиды.

Александр Николаевич Радищев родился в 1749 году в родовом имении в Пензенской губернии. Детские и все последующие годы провёл в дворянско-помещичьей среде, но оказался в итоге, не благодаря, а вопреки среде — гражданином, писателем и революционером, первым и единственным на конец XVIII века, опередившим, по сути, своё время…

Биография его богата событиями и зигзагами. Гимназический пансион при Московском университете, Пажеский корпус в Петербурге, пять лет в Лейпцигском университете. С 1771 года — протоколист в Сенате, потом обер-аудитор финляндской дивизии, затем служит в коммерц-коллеги и, наконец, 10 лет — помощник управляющего Петербургской таможни. Но к 1790 году было закончено и напечатано «Путешествие из Петербурга в Москву», после чего он был посажен в Петропавловскую крепость, судебная палата с подачи императрицы приговорила его к смертной казни, милостиво заменённой, впрочем, той же Екатериной ссылкой в Сибирь.

Павел I, привечавший всех врагов своей матери, разрешил Радищеву вернуться, но жить пришлось в родовом имении Калужской губернии под надзором полиции. В 1801 году Александр I вернул ему чин и дворянство и пригласил к работе в комиссии составления законов. Он принял это всерьёз, составлял проекты новых законов, а когда понял, что всё это видимость, он сам снова может оказаться в Сибири — покончил с собой. Это был 1802 год — «дней Александровых прекрасное начало» — по строчке Пушкина, знавшего и уважавшего жизненный путь и творчество Радищева. Всё-таки при Александре I имя и сочинения Радищева не были под запретом, с 1807 года начали издавать его Полное собрание сочинений, и материала набралось, по крайней мере, на четыре тома. Но ода «Вольность» была полностью издана только в 1906 году, а в николаевской

России, то есть при жизни Пушкина, Радищев снова был под полузапретом.

Зато его «Путешествие из Петербурга в Москву» всегда было в советской школьной программе и оставалось до недавних пор, несмотря на все перемены. Это произведение остаётся литературным и историческим памятником своей эпохи.

«Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкина написано по следам путешествия Радищева (только в обратную сторону) вроде бы в опровержение Радищева. Но странная судьба у пушкинского «Путешествия». Произведение считается незаконченным, в «Избранное» и простые Собрания сочинений не попадает (не попало и в 10-миллионный трёхтомник Пушкина 1989 года), в Полных собраниях сочинений «задвинуто» в массу заметок, набросков, незаконченной прозы. Критики и комментаторы тоже обходят его. Это можно объяснить тем, что в царские времена Радищев оставался «персоной нон грата», и само упоминание и обсуждение его Пушкиным было вызовом. В советское время, наоборот, заочная полемика Пушкина с Радищевым тоже была бы вызовом. Фигура великого революционера, предшественника декабристов и жертвы режима была священной, и спорить с ним не разрешалось даже Пушкину.

Собственно, само название («Путешествие из Москвы в Петербург») было дано этим пушкинским страницам только в 1934-м году. Писал же Пушкин свои заметки, с перерывами, в 1833—1835 гг., опубликованы были только отрывки в посмертном издании сочинений в 1841 г., вообще без заглавия и повторены в следующем Собрании сочинений под редакцией Анненкова, в 1856 г., под названием «Мысли на дороге», и это заглавие сохранилось в последующих изданиях. Только через сто лет в полном собрании сочинений редакция «самовольно» дала название полному тексту из беловой рукописи, несколько смягченной самим Пушкиным по сравнению с сохранившимся черновиком, страницы из которого теперь также приводятся в Полных собраниях сочинений.

Но обратимся теперь напрямую к драгоценным пушкинским строчкам. Первая часть, или, по сути, вступление, называется «Шоссе», а в черновике зачеркнуто название «Дорожный товарищ» (имеется в виду книга Радищева).

«Узнав, что новая московская дорога совсем окончена, я вздумал съездить в Петербург, где не бывал 15 лет», и вспоминает тут же своё несносное путешествие по старой дороге, когда за шесть дней приехал в Петербург «полумертвым». Ну, здесь некоторое литературное лукавство. Пушкин, великий путешественник, путь из Москвы в Петербург и обратно

преодолевал много раз и особенно в 30-е годы, в связи с женитьбой и поездками в Болдино, и 15-летнего перерыва у него не было.

«…Вообще дороги в России (благодаря пространству) хороши и были бы лучше, если бы губернаторы менее о них заботились».

«…Поправка дорог, одна из самых тягостных повинностей, не приносит почти никакой пользы и есть большею частью предлог к утеснению и взяткам». (Добавим от себя: прошло почти два века… Многое ли изменилось?).

«…Великолепное московское шоссе начато по повелению императора Александра; дилижансы учреждены обществом частных людей. Так должно быть и во всем: правительство открывает дорогу, частные люди находят удобные способы ею пользоваться».

Дальше Пушкин довольно подробно, как бы извиняясь перед читателем, объясняет, как он просил у приятеля в дорогу книгу «скучную, но любопытную», и в итоге в руках у него оказалась «книга, некогда прошумевшая соблазном и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, смертный приговор и ссылку в Сибирь; ныне типографская редкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встречающаяся на пыльной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика».

«…В „Черной грязи“, пока переменяли лошадей, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург».

Вторая главка так и называется: «Москва».

«Москва, Москва… восклицает Радищев на последних страницах и бросает желчью наполненное перо, как будто мрачные картины его воображения рассеялись, при взгляде на золотые маковки… Он прощается с утомленным читателем… на обратном пути он опять примется за свои горькие полуистины, за свои дерзкие мечтания…». Последующие три «московские» страницы Пушкина интересны сами по себе безотносительно к Радищеву, с экскурсами в историю и сегодняшний день, и без сравнения с Петербургом тоже не обошлось. Следующие несколько страниц посвящены Ломоносову, потому что «в конце книги своей Радищев поместил слово о Ломоносове. Оно писано слогом надутым и тяжелым. Он имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе Росского Пиндара, но… обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властию, на которую напал с такой безумной дерзостию».

Вот тут уже Пушкин целиком на стороне Ломоносова. «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериной II он один являлся самобытным сподвижником просвещения. Он

создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». Правда, по Пушкину, Ломоносов — не поэт, не оратор, поскольку был по законам своего времени связан схоластической величавостью, полу-славенской, полу-латинской, после чего уже «Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова». «Зато, с каким жаром говорит он о науках, о просвещении!». Пушкин приводит полностью рапорт, поданный Ломоносовым «О своих упражнениях с 1751 по 1757 год: в химии, в физике, в истории, словесных науках» — и так все четыре раздела в каждом году. По разнообразию тем и в самом деле похоже на целый университет.

Четвертая глава — «Браки» — короткая, и здесь Пушкин порицает браки поневоле вместе с Радищевым. «Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный».

А вот дальше: глава «Русская изба» — дает почву для полемики с Радищевым. «Очевидно, что Радищев начертал карикатуру. Однако произошли улучшения, по крайней мере, на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства. Радищев упоминает о бане и о квасе — это уже признаки довольства. Замечательно и то, что Радищев, заставив свою хозяйку жаловаться на голод и неурожай, оканчивает картину нужды и бедствия сею чертою: и начала сажать хлебы в печь». Правда, Пушкин опускает такую подробность, замеченную Радищевым: тесто на три четверти — из бесполезной мякины, а в других домах — нет и этого.

А дальше вместе с англичанином, оказавшимся с ним рядом в карете, Пушкин рассуждает о том, что судьба русского крестьянина покажется счастливее судьбы французского земледельца или английского фабричного работника, не говоря уж об американских черных рабах

В более живом тексте черновика у Пушкина прямая речь:

«Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36; я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина?

Англичанин. Английский крестьянин.

Я. Как? Свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба.

Он. Что такое свобода?

Я. Свобода есть возможность поступать по своей воле.

Он. Следовательно, свободы нет нигде; — ибо везде есть или законы, или естественные препятствия.

Я. Так; но разница: покоряться предписанным нами самими

законами, или повиноваться чужой воле.

Он. Ваша правда. (Но разве народ английский участвует в законодательстве? разве власть не в руках малого числа? Разве требования народа могут быть исполнены его поверенными?)

Я. В чем вы полагаете народное благополучие?

Он. В умеренности и соразмерности податей.

Я. Как?

Он. Вообще повинности в России не очень тягостны для народа; подушная платятся миром. (Оброк не разорителен (кроме в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности умножает корыстолюбие владельцев). Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своему крестьянину доставать оный, как и где хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньгу. И это вы называете рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простору действовать».

И Пушкин ещё добавляет: «в России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища, этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности».

Следующая глава (седьмая) «Рекрутство» — одна из самых острых у Радищева и Пушкин дает целую страницу прямого текста Радищева. И дальше уже сам Пушкин:

«Самая необходимая и тягчайшая из повинностей народных есть рекрутский набор… но может ли государство обойтись без постоянного войска? Полумеры ни к чему доброму не ведут. Конскрипция (то есть кратковременная воинская повинность, ***авт.***) в течение 15 лет делает из всего народа одних солдат. В случае народных мятежей мещане бьются как солдаты; солдаты плачут и толкуют как мещане. Обе стороны одна с другой тесно связаны. Русский солдат, на 24 года отторженный от среды своих сограждан, делается чужд всему, кроме своему долгу…». Это уже рассуждение монархиста, «государственника», как бы сейчас сказали. Но в деталях — он против «продажи рекрут», формально к тому времени уже запрещенной и против жребия или очереди в рекруты. «Безрассудно жертвовать полезным крестьянином, добрым отцом семейства, а щадить вора и пьяницу обнищавшего…»

Глава девятая: «Медная (Рабство)».

Цитируется Радищев с описанием продажи за долги людей наравне с домом и полями. «Следует картина ужасная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях, с которым на сей раз

соглашаюсь поневоле…».

В последующих главках Пушкин рассуждает о цензуре и придворном этикете, оправдывая, как ни странно и то, и другое. Кто ещё более Пушкина натерпелся и от «чуткой цензуры», и от камер-юнкерского мундира… Но у него самоцель — возражать Радищеву, «разрешившему самому себе свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит изо всех пределов». И снова, каждый раз опровергая Радищева, он поднимает его…

Кончаются пушкинские заметки Вышним Волочком, то есть это всё ещё меньше половины обратного пути к Петербургу. В этом смысле вещь осталась незаконченной, но следовало бы ввести эти страницы в оборот ещё в школе, вместе с «Путешествием» Радищева (представленной и в «Путешествии…» в изложении и подробных цитатах). Вообще же Пушкин к Радищеву относился хорошо, с полным уважением. Не раз упоминал он Радищева в стихах и письмах. И достаточно вспомнить, что в знаменитом «Памятнике» в первой его редакции была строчка «Что вслед Радищеву восславил я свободу». И эти слова имеют прямой смысл, потому что уже в 18 лет Пушкин написал Оду «Вольность» по образцу одноимённой оды Радищева. Естественно, что в своём «Путешествии» Пушкин об этих одах даже не заикается. Его «Вольность» была опубликована только в 1905 году в Академическом собрании сочинений, а до этого известна была только по рукописным спискам отрывком и по герценовской «Полярной звезде». И в первую ссылку Пушкин был отправлен, в том числе, и за эту Оду. Так что судьбы двух этих людей волей-неволей переплетаются. «Вольности» и вольности в России всегда были под запретом.

С литературной стороны «Вольность» Радищева — это 540 тяжёлых уже для нашего восприятия строк, но без них не было бы 96 летящих строк

18-летнего Пушкина, написанных тем самым нашим современным литературным языком, которым мы и пользуемся до сих пор (даже те, хотят они или не хотят, кто вообще не читает книг). И пять русских императоров страшились открыть своим подданным эти, да и многие другие строки нашего Пушкина.

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Давно пора написать именно эти слова на знамёнах

современных революционеров взамен «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Всё быстрее проезжаем мы теперь эту дорогу, почти без остановок, за несколько часов. А если объявляется «медленный» путешественник, приглядывающийся к местам на той же дороге, упомянутым Радищевым, с удивлением обнаруживает он, что не так уж многое изменилось с тех пор. Две столицы по-прежнему дружно «обескровливают» соединяющую их артерию. Как написал Евгений Евтушенко в своём комментарии в антологии «Поэт в России — больше, чем поэт», посвящённом Радищеву:

…И вновь скрежещущей старухою
средь «мерседесов» молодых
Кибитка эта катит, плюхая,
под ржанье призраков гнедых.
Всё та же боль от боли родины,
Всё тот же ситцевый рассвет.
Кибитка и Россия вроде бы
Всё те же.
Человека нет.

В заключение (или «в приложение») приведём отрывок из «Путешествия…» Радищева, в знак того, что вещь эта наполнена не только нарастающим к концу ужасом крепостничества, но и своеобразным чувством юмора. Итак, две страницы из середины радищевского «Путешествия…»:

«Не дивись, мой друг!» на свете всё колесом вертится.

«Любезный мой!

На сих днях совершился здесь брак между 78-летним молодцом и 62-летней молодкою. Причину толь престарелому спарению отгадать тебе трудненько, если оной не скажу. Распусти уши, мой друг, и услышишь. Госпожа Ш… — витязь в своем роде не последний, 62 лет, вдова с 25-летнего своего возраста. Была замужем за купцом, неудачно торговавшим; лицом смазлива; оставшись после мужа бедною сиротою и ведая о жестокосердии собратий своего мужа, не захотела прибегнуть к прошению надменной милостыни, но за благо рассудила кормиться своими трудами. Доколе красота юности водилась на ее лице, во всегдашней была работе и щедрую получала от охотников плату. Но сколь скоро приметила, что красота ее начинала увядать и любовные заботы уступили место скучливому одиночеству, то взялась она за ум и, не находя больше покупщиков на обветшалые свои прелести, начала торговать чужими, которые, если не всегда имели достоинство красоты,

имели хотя достоинство новости. Сим способом нажив себе несколько тысяч, она с честию изъялась из презрительного общества сводень и начала в рост отдавать деньги, своим и чужим бесстыдством нажитые. По времени забыто прежнее ее ремесло; и бывшая сводня стала нужная в обществе мотов тварь. Прожив покойно до 62 лет, нелегкая надоумила ее собраться замуж. Все ее знакомые тому дивятся. Приятельница ее ближняя Н… приехала к ней. — Слух носится, душа моя, — говорит она поседелой невесте, — что ты собралась замуж. Мне кажется, солгано. Какой-нибудь насмешник выдумал сию басню. *Ш.* Правда совершенная. Завтра сговор, приезжай пировать с нами. *Н.* Ты с ума сошла. Неужели старая кровь разыгралась; неужели какой молокосос подбился к тебе под крылышко? *Ш.* Ах, матка моя! некстати ты меня наравне с молодыми считаешь ветреницами. Я мужа беру по себе… *Н.* Да то я знаю, что придет по тебе. Но вспомни, что уже нас любить нельзя и не для чего, разве для денег. *Ш.* Я такого не возьму, который бы мне мог изменить. Жених мой меня старее 16 годами. *Н.* Ты шутишь! *Ш.* По чести правда; барон Дурындин. *Н.* Нельзя етому статься. *Ш.* Приезжай завтра ввечеру; ты увидишь, что лгать не люблю. *Н.* А хотя и так, ведь он не на тебе женится, но на твоих деньгах. *Ш.* А кто ему их даст? Я в первую ночь так не обезумею, чтобы ему отдать все мое имение; уже то время давно прошло. Табакерочка золотая, пряжки серебряные и другая дрянь, оставшаяся у меня в закладе, которой с рук нельзя сбыть. Вот весь барыш любезного моего женишка. А если он неугомонно спит, то сгоню с постели. *Н.* Ему хоть табакерочка перепадет, а тебе в нем что проку? *Ш.* Как, матка? Сверх того, что в нынешние времена не худо иметь хороший чин, что меня называть будут: ваше высокородие, а кто поглупее — ваше превосходительство; но будет-таки кто-нибудь, с кем в долгие зимние вечера можно хоть поиграть в бирюльки. А ныне сиди, сиди, все одна; да и того удовольствия не имею, когда чхну, чтоб кто говорил: здравствуй. А как муж будет свой, то какой бы насморк ни был, все слышать буду: здравствуй, мой свет, здравствуй, моя душенька… *И.* Прости, матушка. *Ш.* Завтра сговор, а через неделю свадьба. *Н.* (Уходит.) *Ш.* (Чихает.) Небось, не воротится. То ли дело, как муж свой будет! Не дивись, мой друг! на свете все колесом вертится. Сегодня умное, завтра глупое в моде. Надеюсь, что и ты много увидишь дурындиных. Если не женитьбою всегда они отличаются, то другим чем-либо. А без дурындиных свет не простоял бы трех дней.»

Прекрасные Натали… и Татьяны

В 2012 году исполнилось 200 лет со дня Бородинской битвы и 200 лет со дня рождения Натальи Николаевны Гончаровой — Пушкиной — Ланской. Не боимся поставить эти два события рядом, тем более что они и в самом деле совпали с разницей в один день. Прекрасная Натали родилась 27 августа (8 сентября по новому стилю) 1812 года в тамбовском имении «Знаменка», то есть в эвакуации, как бы сейчас мы сказали, куда отец её, Николай Афанасьевич Гончаров, отправил жену с четырьмя старшими детьми из Полотняного завода, так как туда приближалась французская армия.

А 26 августа, накануне — как раз Натальин день. Мать звали тоже Натальей (только Ивановной), потом была дочь Наталья Александровна, одна из внучек Наталья Михайловна и эта Натальина линия продолжается до наших дней.

Остановимся на первых трёх. Все они были красавицами, чтобы не сказать первыми красавицами в своём кругу. Но не даром говорят: «Не родись красивой, а родись счастливой». У всех была очень непростая судьба. Наталья Ивановна Загряжская была на момент замужества фрейлиной императрицы, жила при дворе, весь род Загряжских был богат, влиятелен, приближён ко двору. Достаточно сказать, что на её свадьбе присутствовала вся императорская семья, а невесту убирала к венцу вдовствующая императрица

В музее Пушкина показывали портреты-миниатюры жениха — Николая Гончарова, блестящего молодого офицера, и невесты — фрейлины Загряжской. Оба они молодые, красивые, буквально засмотришься. Откуда только берутся потом зловредные тёщи? Потому что у Александра Пушкина, мы знаем, были сложные и напряжённые отношения с будущей тёщей, и на подступах к браку, и потом… Но и у самой Натальи Ивановны жизнь была не простой. Она уже в шесть лет осталась без родной матери, Ульрики фон Поссе, женщины неописуемой красоты. Этой красоты хватит потом на три следующих поколения. Её привёз в своё имение Яропolец к первой законной жене отец Натальи Ивановны, перед этим тайно и обманом обвенчавшийся с ней при живой законной жене. Привёз из Дерпта и тут же умчался обратно в свет, в столицы, к разгульной жизни. «Бабье дело — сами разберутся».

Но расчёт был верным: законная жена приняла и лишившуюся чувств соперницу, и вскоре родившуюся её дочь, которую потом уже считала своей дочерью, дала ей хорошее

домашнее образование и вслед за старшей сестрой Екатериной Ивановной Загряжской Наталья Ивановна стала фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны. А там своя жизнь со своими интригами. У Натальи Ивановны — роман с молодым красавцем-офицером Охотниковым, который был к тому же интимным другом самой императрицы. Вскоре Охотников был на выходе из театра смертельно ранен (это до сих пор тёмная страница придворной жизни). У стены Александро-Невской лавры сохранился красивый памятник, поставленный самой императрицей, и там же, неподалёку, через полвека будет похоронена Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. Так всё переплетается и на том, и на этом свете…

В итоге Наталья Ивановна выросла не только красивой, но и властной особой, державшей во власти своей и мужа, и детей. Муж как раз, выйдя в отставку, начал уже налаживать дела в полуразорённом отцом Полотняном заводе. Но вернувшийся после Отечественной войны отец отстранил сына от дел, а позже, после падения с лошади, у сына появились признаки душевной болезни (или семье выгодно было представить его свету в таком виде). Из-за редких, но возможных приступов сумасшествия он жил в Москве в своём доме отдельно от остальной семьи, делами которой и воспитанием и дочерей, и сыновей всецело занималась властная Наталья Ивановна. Николай Афанасьевич, тем не менее, присутствовал на свадьбе Пушкина, принимал визиты и письма родных, умер в 74 года в 1861 году, пережив жену на 12 лет. Наталья Николаевна (давно уже Ланская) целый год носила траур по отцу, да и дальше оставалась «в чёрном».

Для рода Загряжских Пушкин не был завидным женихом. Согласившись нехотя на брак дочери, Наталья Ивановна несколько раз почти отменяла свадьбу («нет денег на приданое» — Пушкин дал ей 11 тысяч как бы взаймы, но и с концами, конечно; в день свадьбы — «нет денег на карету» — пришлось снова прислать). Да и в арбатской своей первой квартире молодожёны прожили только три месяца, буквально сбежали в Петербург от недреманного ока тёщи и матери…

Но Наталья Николаевна Пушкина уже была и осталась первой красавицей Петербурга. И ведь знал Пушкин народную мудрость: «не бери красиву жену, красиву жену часто во пир зовут». В последние часы жизни Пушкин успел сказать: «Она, бедная, безвинно терпит, в свете её заедят». Так и было, и не годы, а десятилетия. Она через два года только стала появляться в свете во всём блеске зрелой и грустной своей красоты. Первые

претенденты появились сразу, но «отваливались», узнав об условии: и дети, и сестра, и память о Пушкине остаются при всех условиях с ней. Ланской, бывая в её доме, подружившись с детьми, не решался сделать предложение из-за своей бедности, пока император (очевидно, не случайно) назначил его с генеральским чином командовать гвардейским полком.

Наталья Николаевна все силы, душевные и физические, отдавала своим детям (четырём Пушкиным и трём Ланским), а потом уже и внукам. Считала обязательным быть на всех крестинах. И в предзимье 1863 года поехала, несмотря на протесты семьи, в Москву, по железной дороге уже

на крещение внука (седьмого, но первого, кто должен был сохранить фамилию Пушкина) … На обратном пути она простудилась в холодном вагоне, а вслед — воспаление лёгких и через считанные дни она отойдёт в мир иной в петербургской квартире на Екатерининском канале. В 51 год!

Но неприязненное отношение «общества» к ней осталось. Активно не любили её и не скрывали этого наши великие женщины — Ахматова и Цветаева. Только в последние десятилетия XX уже века медленно, но верно пришла полная реабилитация Натальи Николаевны. К 200-летнему юбилею издано несколько книг о её жизни, в Полотняном заводе набирает силу лично ей посвящённый музей.

Младшая дочь прекрасной Натали — тоже Наталья, родилась за считанные месяцы до гибели отца, была похожа больше других детей на Пушкина, все современники это замечали, и не только внешне, но и характером. Вопреки советам и опасениям матери, она уже в 16 лет вышла замуж за Михаила Дубельта — сына старшего Дубельта, правой руки Бенкендорфа. И хотя она родила в этом браке троих детей, семейная жизнь оказалась не тяжёлой даже, а тяжкой, муж буквально избивал её. В конце концов, она сбежала от него, с большим трудом развелась и вышла замуж снова, став графиней Меренберг и родив ещё троих детей, теперь уже в счастливом браке. Первая дочь — Наталья Михайловна Дубельт, прожила 82 года до 1926 года и имела двоих детей, в том числе Элизабет Натали фон Бессель (это уже соответственно правнучка Пушкина, прожившая до 1955 года). А праправнучка Софья Меренберг вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича Романова. Отсюда пошла английская ветвь потомков Пушкина, и это уже — прямое родство Пушкиных и Романовых.

Но Александр III не признал этот брак, и Софья получила титул графини де Торби. Её внучка (прапраправнучка Пушкина) — ныне живущая и имеющая четверых детей Наталия Филипс, герцогиня Вестминстерская, член английской королевской семьи.

Всего же, повторим, из четырёх детей Пушкина одна — Наталья, из 19 внуков — две Натальи, из 37 правнуков — пять Наталий. Эта линия продолжается и в наши дни. Наиболее полная перепись живущих потомков Пушкина была проведена в 1999 году — в год 200-летия Пушкина. Их в итоге всего нашлось около 300. Все были приглашены на юбилей, приехали 130 со всего мира, большинство не говорило по-русски, и впервые видели друг друга. Однако все сознавали приобщённость к своему великому предку и гордились этим. А в Африке Эфиопия

и ещё две станы спорят о происхождении Ганнибала — предка великого африканского поэта Пушкина.

Родословная Пушкина по-прежнему притягивает внимание исследователей. Так, в книге А.А.Черкашина и Л. А. Черкашиной «Тысячелетнее древо Пушкина» (2005 год) прослеживаются 39 поколений, из них 31 — предки от IX века, и семь поколений потомков Пушкина.

В музее Пушкина была выставка «Дружили Пушкины с царями». Только теперь уже потомки царей и королей гордятся дружбой или родством с Пушкиным, а не наоборот. Именно там можно было узнать, к примеру, что в семье Николая II очень любили Пушкина, ставили любительские спектакли по «Евгению Онегину», и первых своих дочерей Николай II назвал Ольгой и Татьяной именно в честь Пушкина и «Евгения Онегина». Судьба их известна — Ольга и Татьяна Романовы-Ларины были расстреляны в 1918 году. Даже великий провидец Пушкин не мог бы этого себе представить…

Татьяна — тоже имя, освящённое Пушкиным. Дело в том, что среди аристократок, великих княжон и даже цариц Натальи встречаются постоянно, на протяжении русской истории (мать Петра I — тоже царица Наталья), Татьян же нет совсем. Это имя считалось простонародным. Именно Пушкин ввёл его в литературу, а вслед за тем и в жизнь. К тому же это была любимая его героиня. «Я так люблю Татьяну милую мою». Он не позволил ей выйти замуж за Онегина ни в юности, ни потом, вопреки протестам уездных и столичных барышень, потому что «Онегин её не стоил». Среди потомков Пушкина Татьяны появляются в четвёртом колене (правнучка Татьяна Николаевна Быкова, прожившая 90 лет), в пятом и шестом поколениях — по одной и две — в седьмом колене. Натальи всё же преобладают.

В праздничный пушкинский месяц июнь поздравим друг друга: мы — соотечественники великого Пушкина. И отдельно поздравим Наталий и Татьян, и немного позавидуем им — они ближе стоят к пушкинскому престолу.

Где жил и где был Пушкин

Мы все знаем, конечно: Александр Сергеевич Пушкин родился и женился в Москве, умер (убит на дуэли) — в Петербурге, похоронен в Святогорском монастыре вблизи родового села Михайловского, где тоже бывал неоднократно, в том числе два года — в ссылке. И эти три его главных места никто не оспаривает. Разве что две столицы готовы поспорить, как всегда, кто главнее и кто всё-таки Пушкин — москвич или петербуржец…

Петербург по годам жизни превосходит Москву, это 15,5 лет, включая Царское село. Вообще пребывание в Лицее было самым большим и чуть ли не единственным периодом оседлой жизни (почти шесть лет). Тем более что лицеистов не отпускали никуда, даже единственный месяц летних каникул они проводили в Царском селе. После окончания Лицея, будучи уже чиновником в Коллегии иностранных дел (где он и не появлялся даже), Пушкин 2,5 года прожил в Петербурге, все остальные периоды петербургской жизни не превышали года.

В Москве Пушкин провёл 13,5 лет, но из них 11 лет — детские годы, включая подмосковное Захарово (имение его бабушки), где он жил ежегодно с мая по сентябрь в 1805—1809 гг. В дальнейшем много раз наезжал в Москву (или пересекал её), по своей или не по своей воле.

Великого поэта можно назвать великим путешественником. Почти год своей недолгой жизни Пушкин провёл в дорогах общей протяженностью более 34 тысяч км.

А теперь перечислим «золотую дюжину» пушкинских мест:

Петербург — 15,5 лет жизни (в том числе 9 лет после окончания Лицея); 9 раз Пушкин въезжал и 9 раз выезжал из города.

Москва — 13,5 лет жизни (вместе с детскими годами в подмосковном Захарове и после окончания Лицея), 21 раз Пушкин пересекал московские заставы при въезде или выезде.

Село Михайловское Псковской губернии — 9 раз Пушкин приезжал в село и прожил два года 10 месяцев (в том числе два года находясь в ссылке); соответственно дважды по 9 раз он пересекал Псков, и приезжал (специально из Михайловского) ещё 9 раз.

Кишинёв — почётное четвёртое место и 2,5 года южной полуссылки под «добрым» генералом Инзовым (с 1820 г.).

Одесса — один год 2 месяца под началом графа Воронцова (с 1823 г.), по настоянию которого был отправлен в настоящую

ссылку в Михайловское. 12 раз Пушкин выезжал из Кишинёва в Одессу и обратно, и, кроме того, в Херсон (на ту самую «борьбу с саранчой»), в Измаил и в Киев.

Болдино — 3,5 месяца в общей сложности на три «болдинских осени» (1830, 1833, 1834 гг.).

Каменка — 2,5 месяца (1820—1821 гг.) имение Давыдовых в Киевской губернии, вместе с Киевом Пушкин провёл там.

Малинники и Павловское Тверской губернии, (усадьбы Осиповой и Вульфов) — 2,5 месяца в общей сложности (1828 г.).

Пятигорск — один месяц (1820 г.) прожил Пушкин на этом курорте во время путешествия с семьёй Раевских.

Кисловодск — один месяц (1820 г.) (во время первого путешествия с Раевскими Пушкин жил и на этом курорте и даже пытался лечиться «кислыми водами)…

Гурзуф — три недели (1820 г.) именно здесь провёл Пушкин вместе с Раевскими во время того же южного путешествия. Именно здесь был задуман «Евгений Онегин».

Арзрум — три недели из самого длительного своего путешествия Пушкин провёл в этой крайней, самой дальней из всех своих разъездов точке, к тому же единственной «заграничной» и тогда, в 1829 году, и сейчас.

За пределами этого главного списка остались ещё две дюжины мест, где Пушкин не жил, а скорее просто «был» от одного-двух дней до двух недель, такие, как Полотняный завод, Нижний Новгород, Казань, Оренбург, Уральск, Торжок, Тифлис, Владикавказ — и все они оставили след в его жизни и творчестве. Почти во всех перечисленных городах есть музеи и памятники великому поэту.

И был ещё последний его путь — к месту погребения в Святогорском монастыре. В отличие от простых смертных, он составил для него (и для нас, пожелавших поклониться ему) 450 вёрст, начиная от тайного ночного выезда из Петербурга. И в феврале этого, как и любого другого года, мы с болью вспоминаем именно это его последнее путешествие.

Теперь о протяжённости преодолённых Пушкиным дорог и способах его передвижения. В литературе встречалась цифра 34 тыс. километров на все дороги. Если судить по «Летописи жизни Пушкина» цифра окажется ещё больше. Дороги и экипажи — отдельная тема. Мы и сейчас не уверены в состоянии своих дорог. Пушкин часто ездил в своей коляске со сменой лошадей на станциях, на каждой из которых надо было предъявлять так называемую подорожную и платить за прогоны. При наличии подорожной можно было и на казённых пролётках-кибитках двигаться, иногда подолгу ожидая экипажа и лошадей.

Как чиновнику 10-го класса Пушкину полагалась тройка лошадей. На рубль можно было проехать чуть больше четырёх вёрст. Из такого расчёта и выдавались наличные. Так, при срочной высылке поэта из Одессы в Псковскую деревню выдано 389 рублей и 4 копейки на 1621 версту. При первой ссылке-назначении в Кишинёв ему была выдана 1000 рублей (при жаловании чиновника 10-го класса 800 руб. в год). Так что передвижения по 40-миллионной тогда России были довольно дорогостоящим делом, и к тому же осуществлялись они только «с позволения начальства». Крепостные вообще шли пешком или с обозами, но тоже с разрешительной бумагой от помещика.

С 20-х годов XIX века между Москвой и Петербургом начали ходить более или менее регулярно дилижансы — прообраз общественного транспорта. На самом деле это были закрытые кареты на четырёх пассажиров зимой и на шестерых — летом. Можно было купить билет за 100 рублей и не заботиться уже о лошадях, прогонах и ремонтах. Обычный путь «на перекладных» обходился вдвое дороже. А приезжали в Москву из Петербурга (при круглосуточной езде с остановками на почтовых станциях) на четвёртый день, во Псков — на третий день. Не так уж и плохо… И почта доставлялась в те же сроки. Последние годы Пушкин при поездках в Москву брал билет на дилижанс. Были и так называемые «поспешные дилижансы». Вот его собственное свидетельство в письме к жене:

«…Я приехал в Москву, вчера в середу. Велосифер, по-русски «поспешный дилижанс», несмотря на плеоназм, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случалось мне сделать три станции. Лошади расковывались, и — неслыханная вещь! — их подковывали на дороге… Насилу дотащился до Москвы… Теперь послушай, с кем провёл я пять дней и пять ночей… С пятью немецкими актрисами, в жёлтых кацавейках и в чёрных вуалях. Каково?.. Я отговаривался незнанием немецкого языка и, как маленький Иосиф, вышел чист от искушения. Приехал в Москву, поскакал отыскивать Нащокина… он ездил со мной в баню…». Упоминание бани здесь неслучайно. В другом письме Пушкин объясняет жене: «… что, ты не знаешь, что русский путешественник в дороге не моется и не переодевается… Зато вместе по приезде сразу бежит в баню». Кстати, дорогу Москва-Петербург Пушкин преодолел 11 раз в одну сторону и столько же — в другую.

И вспомним снова, что дороги сами по себе заняли у него почти год жизни. Всё это позволяет назвать нашего великого соотечественника ещё и великим путешественником.

Место для памятника. И почему Пушкин не читал Лермонтова

Наступил светлый пушкинский месяц. Шестое июня — 218-й день рождения Александра Сергеевича Пушкина. А в октябре — 203 года со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. Мы снова и снова ставим рядом двух наших гениев, недоумеваем — почему они не пересеклись в жизни, и почему Пушкин даже не читал Лермонтова. Притом, что к 1837 году была написана добрая половина его шедевров. Все последующие предположения об их личном или литературном знакомстве остались

недостоверными.

Ответ на самом деле простой: Лермонтова при жизни почти не печатали. Это покажется странным, но к 1837 году было опубликовано только два произведения. Это небольшое стихотворение «Весна» («Когда весной разбитый лёд…»), напечатанное в издаваемом в стенах Университета журнале «Атеней», и поэма «Хаджи-Абрек», написанная в 1833 году и через два года посланная без ведома самого Лермонтова в журнал «Библиотека для чтения». А третьей публикацией было хрестоматийное стихотворение «Бородино», появившееся в пушкинском журнале «Современник», но уже в посмертном номере за 1837 год, выпущенном стараниями В. А. Жуковского. В этом же журнале в 1838 году опубликована поэма «Казначейша». Всего же в перечне публикаций Лермонтова, приведённом в Полном собрании сочинений 1913 года — 544 названия, из них за 1835—1841 гг. — всего 51 название, то есть, при его жизни — меньше одной десятой части написанного. Таким образом, Пушкину было просто негде прочитать и оценить своего последователя. Многочисленные списки и памятные альбомы вращались в другой среде, а сам Лермонтов не решался проявить инициативу в литературном и личном знакомстве с Пушкиным, но заочно знал и боготворил его. При жизни Пушкина была написана драма «Маскарад», которая в третий раз была представлена в Цензурный комитет с надеждой и на театральную постановку и снова была запрещена. Поэма «Демон» имела восемь рукописных редакций, начиная с 1829 года. Лермонтов её совершенствовал и приспосабливал к требованиям цензуры. Последнюю редакцию он специально подготавливал для чтения при дворе наследника (будущего Александра II) и это чтение состоялось, но автор был в опале, его ждала последняя высылка на Кавказ, и он даже не был приглашён на эту «презентацию». В итоге «Демон» «ходил по рукам» в разных списках и отрывках, а опубликован был впервые в Германии в 1856 году. Сплошной «самиздат» и «тамиздат»…

Мы знаем, слышали о цензуре, но не представляем до конца её гнёта. Лермонтов тоже не мог прочесть всего Пушкина, потому что, по крайней мере, треть его творчества не вышла в печать при жизни, а потом медленно пробивалась к нам вплоть до февраля 1917 года (почти 100 лет «чуткой цензуры»). Но он всё-таки был знаменит ещё при жизни, царский двор и шеф жандармов Бенкендорф вполне сознавали его масштаб, многое ему прощали. Лермонтова же император Николай I сильно не любил, не разрешил самого простого — отставку с военной службы. «Я еду на войну, чтобы заслужить отставку» — так прощался

с друзьями Лермонтов перед последним своим выездом (по приказу — в 48 часов) из Петербурга. На этом последнем году своей жизни он познакомился все-таки с Натальей Николаевной Пушкиной. Они и раньше пересекались на светских раутах, но Лермонтов только издали и без симпатии наблюдал за ней, считая её, как и многие тогда, одной из главных виновниц трагедии. Но здесь он впервые общался с ней лицом к лицу, долго разговаривал, они прониклись взаимной симпатией и обещали друг другу продолжить эту запоздалую дружбу. Однако этот год и все петербургские его встречи были уже последними в его жизни.

Их посмертная литературная судьба тоже похожа. Пушкина после гибели редко печатали, и, значит, мало читали. Возрождение, полное признание и массовое издание произведений пришло через полвека, чему способствовало также и окончание авторских прав семьи. В 1880 году в Москве был торжественно открыт большой памятник работы А. М. Опекушина.

Лермонтов пробивался к нам ещё медленнее. На большинстве его произведений сноски о первой публикации датируются 60—70-ми годами XIX века, его музеи и памятники появились тоже позже пушкинских. 18 лет собирались средства на памятник Лермонтову в Пятигорске, на конкурсе победил тот же А. М. Опекушин и в 1889 г. памятник был установлен в центре Пятигорска. Первый же большой «столичный» памятник Лермонтову работы Б.М.Микешина был готов к его столетию и открыт в 1916 году в Петербурге (на тот момент — Петрограде). Тогда же и тем же автором был установлен обелиск у горы Машук в Пятигорске на месте дуэли. То есть, Пушкин получил свой главный памятник в Москве через 43 года после смерти, а Лермонтов — в Петербурге — через 75 лет. В Москве памятник Лермонтову установлен в 1965 году (скульптор И. Д. Бродский) на площади, которая носит его имя, и там же — мемориальная доска на высотном здании, построенном на месте дома, где он родился.

Да, не были они вместе при жизни, не были даже знакомы… Но по Литературе, по Истории литературы, просто по Истории мы их видим всегда рядом, а по жизни Лермонтов своим стихотворением «Смерть поэта» подхватил выпавшее знамя поэзии и знамя гражданственности через считанные дни после гибели своего и нашего кумира, за что тут же и поплатился… Зарубежные исследователи напоминают нам самим: «Россия создала великую литературу. Но вся история русской литературы есть история борьбы правительства с литературой…».

Есть место в Петербурге, на краю огромной Дворцовой площади. Отсюда виден дом на Мойке, 12, где жил, куда был внесён на руках смертельно раненный Пушкин и где через два дня он испустил последний вздох. Сделав пол-оборота, мы увидим с левой стороны площади длинный полукруглый фасад Главного штаба. Там на верхнем этаже была и гауптвахта, куда был помещён Лермонтов за стихотворение «Смерть поэта». И, наконец, над всей Дворцовой площадью господствует Александровская колонна, пережившая всех царей (с коронами и без), все революции, войны и бомбёжки, доставшиеся Петербургу — Ленинграду — снова Петербургу.

Но мы знаем (все теперь знают!) — «вознёсся выше он главою непокорной Александрийского столпа». Заметим ещё, что В. А. Жуковский, ради публикации этого пушкинского стихотворного шедевра подправил в нём несколько строк, в том числе — заменил слова «Александрийский столп» «Наполеоновым столпом». Однако через много лет Александр I вернул себе честь быть сравниваемым с «главою непокорной» самого Пушкина… Они оба — Пушкин и Лермонтов — вознеслись главами непокорными выше всех и всяческих императорских столпов. Пора этот факт отметить общим памятником Пушкину и Лермонтову и неизвестно, будет ли он когда-нибудь. А вот место для него уже есть! Как раз в центре «условного треугольника»:

последнее пушкинское пристанище — дом на Мойке, 12;

главный штаб с гауптвахтой — местом пребывания Лермонтова сразу после гибели Пушкина;

Александровская колонна, выше которой в Санкт-Петербурге ничего не строилось.

Этот памятник как раз не будет высоким, но всё-таки какой-то постамент должен быть и на четырёх его гранях могут быть выбиты короткие надписи:

— «**Они жили свободными людьми в несвободной стране и поэтому ушли от нас молодыми**».

«**Вознеслись они выше главами непокорными Александрийского столпа**».

«**Прощай, немытая Россия!**

Страна рабов, страна господ…».

(Да, пусть именно так ударит, встряхнёт каждого это прощание Лермонтова, пусть возмутится наш разум — ему это будет на пользу… Только поэт, так страстно любивший Россию, мог позволить себе так к ней обратиться).

И, наконец, предсмертные слова Пушкина, обращённые к своим книгам и ко всем нам:

— «Выше… ещё выше!».

Свободу лошадям!

Известно, что Пушкин в своей михайловской ссылке после декабрьского восстания ждал ареста, жёг бумаги. Следствие по делу декабристов находило его стихи и письма почти у всех активных членов тайных обществ, но было видно и то, что он не состоял напрямую ни в одном из них.

В то же время он надеялся в связи со сменой власти на перемену своей участи ссыльного, писал прошения, обещая быть законопослушным подданным. Ссылался на болезнь («аневризму ног»). Наконец, его вызвали и привезли в Москву прямо в Кремль к императору, не как арестанта, но в сопровождении фельдъегеря. Никто, и он сам, не знал, с чем и зачем он едет.

Дальнейшее тоже известно: Николай I простил и обласкал его, разрешил жить в столицах, ездить, писать («я сам буду твоим цензором»), обращаться к нему (правда, через шефа жандармов Бенкендорфа). И тут же был установлен за ним тайный и пожизненный полицейский надзор.

Это известная канва событий. Менее известно, что ему за неделю до этого грозил всё-таки арест и «вывоз», а не выезд из деревни, под охраной вооружённого жандарма.

Пятеро декабристов были казнены 13 июля 1826 года, а 19 июля 1826 года из Петербурга посланы тайный агент А. К. Бошняк с фельдъегерем Блинковым, которые должны были произвести «возможно» тайное и обстоятельное исследование поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению и вольности крестьян, и арестовать его и отправить куда следует, буде он окажется действительно виновным». У них был открытый ордер на арест за подписью военного министра Татищева.

Этого Бошняка власти считали тайным агентом, дворянское же общество, особенно молодое, знало и презирало его за то, что именно он в своё время, ещё до восстания, написал донос на южное тайное общество. Есть и другие свидетельства того, что Александр I знал о тайных обществах и заговорах, но сознательно не хотел ворошить этот тлеющий костёр, опасаясь настоящего пожара…

Так или иначе, Бошняк рьяно взялся за дело, начав ещё с дальних подступов». Приехав в Новоржев (а это в 84-х километров после Михайловского) и, выдавая себя за учёного ботаника, он расспрашивает всех, кого можно, о Пушкине и получает в ответ только слова, что «Пушкин скромен

и осторожен, бывает на ярмарке в Святых горах, о правительстве не говорит и никаких слухов о нём по народу не ходит».

Следующей остановкой Бошняка было имение П. С. Пущина в селе Жадрицы, откуда и пошли слухи. Но и там подтвердили, что «Пушкин ведёт себя несравненно осторожнее противу прежнего, дружески обходится с крестьянами, берёт за руку знакомых, иногда ездит верхом и, достигнув цели своего путешествия, приказывает человеку своему отпустить лошадь одну, говоря, что всякое животное имеет право на свободу».

Надо думать, тайный осведомитель «сделал стойку» и удвоил внимание. Вот оно — сладкое слово «Свобода».

И, наконец, Святые горы. Здесь порасспрошены крестьяне, игумен Иона, который говорит, что «Пушкин нигде не бывает, но иногда ездит в Псков; никакой песни им в народ не выпущено, он ни во что не мешается и живёт, как красная девка. Ещё он, Иона, иногда пьёт с ним наливку». Итак, «лошадиный заговор» так и не потянул на «государственный». Пришлось отпустить обратно в Петербург вооружённого фельдъегеря, так как для ареста Пушкина оснований не оказалось. Какие наивные ещё были эти жандармы первых призывов… Они не догадывались, что любой заговор можно придумать к удовольствию начальства и к своей карьере. Во всяком случае, Бошняк подробно всё описал и его доклад был внимательно прочитан Бенкендорфом, а потом и императором — всего за неделю до высочайшего вызова.

Забегая вперёд, скажем ещё, что у этого Бошняка было ещё только четыре года не очень сладкой жизни. В дворянском обществе его сторонились или, наоборот, демонстративно и громко приветствовали, хлопали по плечу, сжимали в объятиях так, что у него кости трещали, не декабристы и даже не сочувствующие, а вполне себе монархисты, но предательство в этой среде не прощали, а жандармы в последующем были вообще вне высшего общества. Бошняк, наверное, понял, что к чему, и счёл за благо поехать добровольцем на подавление польского восстания в 1830 году. И там он был убит в бою, но есть серьёзные подозрения, что убит своими.

А подозревать А. С. Пушкина чуть ли на протяжении всей его жизни в подготовке нового пугачёвского бунта… не туда смотрела «тугая полицейская слоновость», не оставлявшая, однако, его без пристального внимания не только до последнего его дня, но и после этого.

От Каменки Пушкина и Чайковского до Карнеги-холла

В текущем году исполнилось 218 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина и 177 лет со дня рождения композитора Петра Ильича Чайковского, родившегося через 41 год после рождения А. С. Пушкина, при этом в живых последнего не было уже четыре года… Но совпали годы расцвета творчества композитора с годами наступившей, наконец, настоящей славы великого поэта. Итог: много стихотворений, ставших романсами, и великие оперы «по Пушкину», включая известные и исполняемые по всему миру — «Евгений Онегин» и «Пиковая дама». Жили поэт и композитор в разных эпохах, но при жизни П. И. Чайковского жили люди, знавшие ещё живого А. С. Пушкина.

…Есть географическая точка на карте, где оба они пересекались (хотя и в разные времена): ходили по одним и тем же дорожкам, жили почти «под одной крышей», видели перед собой одни и те же пейзажи… Это — Каменка, небольшой, но известный с XVII века город Киевской (тогда) губернии, а ныне — Черкасской области Украины. Сюда, в имение дворян Давыдовых дважды приезжал Пушкин и, спустя годы, несколько раз приезжал Чайковский, сестра которого была замужем за одним из братьев Давыдовых. Поэтому возникший здесь в 1937 году музей Пушкина с 1940 года, юбилейного для Чайковского, называется музеем Пушкина и Чайковского.

Напомню, что Пушкин в мае 1820 года вместо настоящей ссылки был отправлен в южную «полуссылку» в город Кишинёв в распоряжение «добрейшего генерала Инзова». В Екатеринославе (т. е. Днепропетровске) он получил разрешение от Инзова присоединиться к семье генерала Раевского, ехавшей на Северный Кавказ и в Крым, а затем из Крыма приехал в Кишинёв. Этот круг занял четыре месяца, доставил Пушкину массу впечатлений и вернул его к творчеству. Кишинёв — это более двух с половиной лет жизни, после чего ещё больше года — в Одессе и далее Пушкин с 1 августа 1824 года был отправлен уже в настоящую ссылку в село Михайловское. Один год и четыре месяца в общей сложности Пушкин провёл на территории современной Украины. Кроме Каменки, в Одессе и в Киеве есть также активно действующие музеи Пушкина.

Такова общая временная канва событий, А в Каменку Пушкин поехал вместе с братьями Давыдовыми уже после двух первых

месяцев пребывания в Кишинёве, то есть 18 — 22 ноября 1820 года, тоже с разрешения Инзова.

Каменка считается с XVII века городом и здесь Екатерине Николаевне Давыдовой — матери генерала Н. Н. Раевского, Л.Л. и В. Л. Давыдовых и племяннице Потёмкина принадлежал дом, окружённый большим парком, под которым протекала река Тясьмин, приток Днепра. Главный дом не сохранился, но сохранился грот с подземным ходом, Пушкинская скала и, главное — «зелёный домик», окружённый садом с большим бильярдом и библиотекой. Именно там чаще всего и пребывал Пушкин и там же писал, «растянувшись на бильярде… не отрываясь от бумаги…». Именно в этом домике в 1937 году был открыт музей А. С. Пушкина. Здесь неоднократно бывал и П. И. Чайковский, приезжая к сестре Александре Ильиничне.

В состав Каменского государственного историко-культурного заповедника теперь входят также исторический музей, картинная галерея, парк имени декабристов с памятником Пушкину и декабристам.

Предоставим слово самому Пушкину: «Время моё протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами… Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов». Немного стихов — это шутливая «Кокетка», посвящённая Аглае Антоновне — жене Александра Львовича Давыдова; ей же посвящена эпиграмма «Иной имел мою Аглаю» (эту вещь Александр Пушкин послал только брату Льву, категорически запретив печатать или показывать кому-нибудь). Наконец, 12-летней дочери Аглаи Адели Пушкин посвятил в 1822 году лёгкое, с короткими строчками, стихотворение «к Адели»:

Играй Адель,
Не знай печали,
Хариты, Лель,
Тебя венчали
И колыбель
Твою качали…
Люби, Адель,
Мою свирель.

Нельзя не упомянуть и этот шедевр:

Редеет облаков летучая гряда
Звезда печальная, вечерняя звезда.
Твой луч осеребрил увядшие равнины

И дремлющий залив, и чёрных скал вершины…

Это стихотворение навеяно видом островка-скалы в излучине реки Тясьмин (она и называется теперь скалой Пушкина) и воспоминанием о Черном море и о М. Н. Раевской.

К новому году сюда съехалось многочисленное общество, большинство которого составляли будущие декабристы. С особенным восторгом Пушкин встретил Ивана Якушкина и был удивлён, что тот, и не он один, наизусть читают его стихи. Впоследствии почти у всех декабристов при обысках находили стихи Пушкина. Здесь же, в Каменке, по существу был один из центров формировавшихся тайных обществ. Пушкин с жаром и восторгом хотел к ним присоединиться, но Якушкин охладил его: «Разумеется, всё это была шутка». А Пушкин счёл это злой шуткой. На самом деле они хотели уберечь Пушкина и сохранить конспирацию.

Из деревенской всё-таки Каменки Пушкин (тоже с Давыдовым) съездил в «столичный» Киев и в город Тульчин, на неделю вернулся в Каменку, проболел там и к 8 марта 1821 года, с остановкой в Одессе, вернулся в Кишишёв.

Обратимся теперь снова к П. И. Чайковскому. Он неоднократно приезжал в Каменку на протяжении 28 лет, с 1865 по 1883 годы. Его любимая сестра, Александра Ильинична, была замужем за Л. В. Давыдовым — сыном Александры Ивановны и Василия Львовича Давыдова — отставного полковника, главы Каменской управы тайного «Южного общества», арестованного после восстания декабристов и сосланного в Сибирь, куда за ним последовала и жена. У них было шестеро детей, в ссылке родилось ещё семь. Отец умер и похоронен в Сибири, вдова с детьми вернулась в Каменку и она-то и оказалась связующим звеном двух эпох, сохранив живость ума и хорошую память, прожила 93 года, много раз рассказывала Петру Ильичу, каким был здесь Пушкин.

Ещё одна связь. Великий роман в стихах «Евгений Онегин» был задуман Пушкиным в Гурзуфе, в Каменке и в Кишинёве начинался, первые две с половиной главы были написаны в Одессе, продолжалась работа в Михайловском. Причем Пушкин поначалу, погрузившись в свой роман, не верил ни в успех его, ни даже в возможность публикации. А Чайковский именно здесь заканчивал оперу «Евгений Онегин», тоже, не веря в её успех, и настоял поэтому на первой постановке не на большой сцене, а только в стенах Московской консерватории. Из письма брату Модесту: «Пусть моя опера будет несценична, пусть в ней мало

действия, но я влюблён в образ Татьяны, я очарован стихами Пушкина и пишу на них музыку потому, что меня к этому тянет. Я совершенно погрузился в сочинение оперы».

Уезжая из Каменки в Москву, Чайковский остановился в Браилове — имении фон Мекк. Там он однажды полностью исполнил клавир оперы. Он был композитором, исполнителем и единственным слушателем. Опера (названная им, как известно, «лирическими сценами»), ему понравилась, и он аплодировал самому себе. Однажды он исполнил её и для Давыдовых и тоже получил одобрение. Вообще атмосфера Каменки была самой благоприятной, как в то, более давнее время для Пушкина, так и теперь для Чайковского. В этот свой приезд к тому же он отошёл от стресса после только что перед этим состоявшейся совершенно случайной и неудачной своей женитьбы. Здесь в Каменке в разное время было написано 30 произведений, включая Четвёртую симфонию, Детский альбом, «Времена года», «Увертюру 1812 год».

«Я нашёл в Каменке то ощущение мира в душе, которое я напрасно искал в Москве и Петербурге»… «Я люблю в ней прошлое, она овеяна для меня душой поэзии — образ Пушкина витает предо мной, всё здесь настроено на поэтический лад».

У родных Пётр Ильич всегда принимал живое участие во всех семейных торжествах. «Тапировал на именинах сестры: бальные танцы для племянниц… Танцевал и сам (плясал страстно, неутомимо, с разными беснованиями и школьничеством)».

Он часто ездил на охоту (трофеи, как правило, не привозил, хотя стрелял часто). Любил и хорошо умел плавать. Ставил, как режиссёр, любительские представления: «Женитьбу» Гоголя, «Мёртвые души», «Мизантропа» Мольера. Сценой был балкон, а зрители располагались внизу на поляне.

Каменка долгие годы оставалась для Чайковского благословенным местом и родственным, если не собственным родным гнездом, где ему были всегда рады, а он отдыхал и отходил там и душой, и телом.

Но в последние годы его жизни эти связи неизбежно ослабли. Сам Пётр Ильич был в зените славы, много разъезжал по миру, представляя свои сочинения, которыми он часто сам и дирижировал. И практически всегда с успехом, публика буквально выносила его со сцены на руках. Открывая своим концертом Карнеги-холл, он открыл ещё для себя и Америку, заметно опережавшую тогда Европу по комфорту и по ритму жизни.

А сестра в Каменке постарела, впала в детство, племянники, в которых Пётр Ильич всегда принимал участие, ещё раньше были

отправлены в Москву и в Петербург получать образование. Любимая племянница Таня была ещё там окружена женихами. Но в итоге только дяде могла довериться, что она беременна. Он сохранил тайну, сам отвёз её в Париж в частную клинику «на лечение». Потом она вернулась в Каменку одна, мальчика оставили во французской семье на воспитание. Через несколько лет бездетный старший брат Петра Ильича преуспевающий инженер Николай Ильич с женой взяли его в свою семью и усыновили. Жоржик быстро научился русскому языку и больше всех любил баловавшего его Петра Ильича. Таня же через год умерла прямо на балу в Дворянском собрании. Из племянников же самым любимым оставался Боб, учившийся в Петербурге, закрывший дяде глаза на смертном одре. 25 октября 1893 года в последние минуты жизни рядом с ним, кроме Боба, были оба его брата Модест и Николай. Боб ещё раньше был назначен Чайковским своим главным наследником…

Возвратимся в Каменку. Чайковский, как и Пушкин, любил работать в том же «Зелёном домике», который и стал сейчас музеем, так как большой усадебный дом не сохранился, отдыхал в том же гроте, названным теперь пушкинским. Сохранилось личное пианино Чайковского, а семейный рояль Давыдовых, на котором он тоже играл, используется и в настоящее время в концертах, которые часто устраиваются в музее.

Экспозиция, посвящённая Чайковскому, есть и в Историческом музее, входящем в комплекс Каменского государственного историко-культурного заповедника. А через Интернет можно заказать на дом звучащую экскурсию — о декабристах, о Пушкине, о Чайковском.

Итак, Каменка долгие годы оставалась для Петра Ильича семейным, тёплым во всех отношениях и часто навещаемым и для работы, и для отдыха местом. Но младшее поколение вылетело из гнезда в большую жизнь, старшие старели и уходили из жизни. Оставалась главная привязанность — любимая сестра Александра Ильинична. Но и она уже угасала и теряла рассудок. Каменка приходила в запустение. Чайковский постоянно перемещался между Москвой и Петербургом, но «точку опоры» устроил себе в городке Клин, при этом, много раз выезжая за границу, как дирижёр и композитор.

И вот в 1891 году состоялось его самое дальнее путешествие — после того, как его пригласили в Нью-Йорк на открытие только что отстроенного Карнеги-холла. Он провёл в Америке 25 дней, очень насыщенных и впечатляющих, и американцы не скрывали своего восхищения им самим, его музыкой и его дирижированием.

Океанский пароход должен был отплывать из Гавра, перед отплытием Чайковский сделал остановки в Берлине и в Париже, где дал ещё и концерты с неизменным, конечно, успехом. Просматривая русские газеты, Пётр Ильич случайно узнал, что в Каменке скончалась его любимая сестра (братья и друзья хотели скрыть от него это известие хотя бы до возвращения). Он был потрясён и хотел отказаться от поездки, но так как его ждали в Нью-Йорке, а большой аванс по контракту был получен и уже истрачен, он решил, невыносимо страдая, ничего не менять. После восьмидневного перехода через Атлантику, с качкой и даже с ураганом в конце пути, пассажиры увидели статую Свободы (копия её была привезена Чайковским по возвращении, и до сих пор украшает дом-музей Клина). Восемь дней на новом комфортабельном пароходе «Британия» — это считалось очень быстро (самый первый пароход в 1819 году шёл 27 суток).

Чайковский стал свидетелем и участником торжественной церемонии и концерта, открывающих Карнеги-холл 5 мая 1891 года (этот дворец музыки успешно действует до сего дня, то есть 126 лет). Тогда же всё началось со «Славословия» — его пел хор в сопровождении органа под управлением дирижёра Уолтера Дамроша. После этого Моррис Рено (директор Нью-Йоркского музыкального общества и главный организатор этого фестиваля) произнёс приветственную речь, а епископ Генри Поттер, воздав хвалу устроителю зала Эндрью Карнеги, провозгласил это здание открытым. Хор и публика в зале исполнили национальный гимн «Америка». Первым концертным номером была исполнена увертюра «Леонора №3» Бетховена под управлением Дамроша, а Чайковский открыл второе отделение концерта, дирижируя своим «Торжественным коронационным маршем», написанным им восемью годами ранее в связи с коронацией Александра III. Уже появление композитора за пультом было встречено фанфарами оркестра и овацией зала. После исполнения — гром аплодисментов и четыре выхода к публике. В заключение концерта была ещё исполнена Оратория Берлиоза под управлением Дамроша.

«Чайковский — высокий, седой, хорошо сложенный мужчина…» — так начинались в общем тоне восторженные рецензии на его выступления. На самом деле ему через два дня будет 51 год, но все комментаторы и близко соприкасавшиеся с ним американцы давали больше. И вообще ему не нравилась некоторая бесцеремонность американцев в обсуждении его внешности и возраста. Но в целом он был восхищён Америкой. Приведём только один отрывок из его письма брату (а он ежедневно писал и получал письма и вёл дневник):

«Успех я имел здесь большой. Все превозносят меня, и печать восхваляет в унисон на самый восторженный лад. Идёт речь о приглашении меня на будущий год… Про Нью-Йорк, вообще про Америку: всё, что я здесь вижу, поражает грандиозностью размеров, шириной и смелостью предприятий. Новые дома, например, все строятся не менее как 13 этажей… В Чикаго пошли ещё дальше: выстроили в 21 этаж!!! И всё делается по этой марке. Ещё меня восхищает американский комфорт».

Для более подробного знакомства с темой рекомендуем небольшую книгу Л. Сидельникова и Г. Прибегиной «25 дней в Америке» (1991 г., изд-во «Музыка»).

Неоднократно общался он с тем самым Карнеги: «…этот удивительный оригинал, из телеграфных мальчишек обратившийся в одного из первых американских богачей, но оставшийся простым, скромным… внушает мне необыкновенную симпатию… и он тоже преисполнен ко мне сочувствия…».

Но обратимся снова к музыке. Пётр Ильич 7 мая (то есть в свой день рождения) в дневном концерте дирижирует своей «Сюитой №3», а 8 мая — хорами («Легенда» и «Отче наш»), всё это с неизменным успехом и восторженными рецензиями. 9 мая в Карнеги-холле он дирижирует «Концертом №1», который в последующие дни был исполнен в Балтиморе и Филадельфии. Солировала признанная самим Чайковским пианистка Адель аус дер Оэ — ученица Листа, за несколько лет завоевавшая Америку. Через два года она исполнит этот же «Концерт» в Петербурге на последнем выступлении Чайковского, где исполнялась также впервые его «Шестая симфония», за считанные недели до кончины композитора).

Пётр Ильич позволил себе в Америке единственную немузыкальную паузу — посетил самостоятельно панораму-зрелище уникального на весь мир Ниагарского водопада… Отметил и оценил он комфорт и технический прогресс американской жизни. Нью-Йорк был уже огромным городом, но (трудно представить себе) — ещё без небоскрёбов и без единого автомобиля, но с трамваем, омнибусами и специально нанимаемыми довольно дорогими (у богачей — собственными) каретами. В итоге Пётр Ильич много ходил пешком, но это было ему только в удовольствие…

Он понял, что Америка, уже знакомая с его музыкой, ещё больше полюбила её, а, увидев и «услышав» самого композитора, звала его приехать снова. Но через два года, закончив «Шестую симфонию» и не вполне удачно исполнив её в Петербурге, Пётр Ильич заболел холерой и через считанные дни скончался. Он

успел послать партитуру в Нью-Йорк тому же Дамрошу, и эти ноты пришли вслед за сообщением о его кончине. Дамрош немедленно приступил к репетициям и исполнил «Патетическую симфонию» с полным успехом (в Европе и России ещё нужно было время, чтобы оценить её по достоинству).

Популярность Чайковского в Америке только возрастала. Русские музыканты, надолго оказавшиеся в США, в том числе Рахманинов и Сафонов, встречали хорошее отношение к себе сразу же, авансом, как соотечественников Чайковского «… Янки, пожалуй, лучше нас, русских, чувствуют и понимают Чайковского. Положительно, каждая нота им что-нибудь говорит» — это слова Рахманинова.

А что же Каменка? Пётр Ильич по возвращении из Америки съездил туда в последний раз, поклонился праху любимой сестры и любимому своему гнезду, к этому времени окончательно уже опустевшему, в дальнейшем заброшенному даже, но в наши дни возрождённому в память о двух наших великих соотечественниках.

В заключение вернёмся к самому последнему выступлению Чайковского как композитора и дирижёра в Петербурге за неделю до его кончины. Исполнялся приглашённой Аделью аус дер Оэ его «Первый концерт для фортепиано с оркестром» и Шестая симфония, встреченная в первом исполнении более чем прохладно… Отметим, что в настоящее время найдена и восстановлена авторская редакция «Первого концерта…», со всеми пометками самого Чайковского. Именно для этого исполнения. Оркестр Санкт-Петербургской филармонии взял на себя труд и смелость восстановить авторский замысел. Само вступление не должно быть таким помпезным и громогласным, у Чайковского всё тоньше. И найдены «в целых» 45 секунд, ранее удалённых из партитуры последующими исполнителями из третьей части «Концерта»… Так что, музыка Чайковского не только живёт и побеждает, но и развивается по своим законам, и он, как и Пушкин, остаётся самым лучшим послом доброй воли русской культуры для всего мира.

Часть II. Литературная мозаика

Поэт и фермер

Сидят папаши.
Каждый хитр.
Землю попашет,
Попишет стихи.

Эти строки воспринимались всегда как некая мечта из далекого будущего. Между тем, такой не прототип даже, а пример был в далекой для Маяковского середине XIX века, в земледельческой тогда России. Речь идет об известном, если не о знаменитом уже при жизни поэте Афанасии Фете. Поэзия была всю жизнь его побочным занятием. Это был гвардейский офицер, получивший к 40 годам долгожданное наследственное дворянство, после признания царем Александром II факта его усыновления русским помещиком Шеншиным, к тому времени уже умершим. Но 40 лет назад этот помещик, возвращаясь в Россию, увел от мужа и увез из Германии будущую мать тогда еще не родившегося поэта. И мы поговорим сейчас о второй половине его жизни, во многих отношениях тоже исключительной, хотя и менее известной или почти неизвестной потомкам. Современникам, правда, эта его деятельность была известна, тем более, что он сам подробно описывал ее хорошей прозой в «Русском вестнике» и в других журналах того времени.

Итак, в 40 лет (а впереди было еще 32 года) наш поэт по твердому своему решению вышел в отставку с военной службы, купил 200 десятин земли в Орловской губернии с недостроенным домом, лошадьми и кое-каким скотом и начал самостоятельно хозяйствовать — с нуля, не имея никакого опыта, но, приобретая его на ходу и охотно советуясь с друзьями, соседями, родственниками. При этом он проявил с самого начала большую интуицию и «расчетливость» даже, примеряя и экономически рассчитывая заранее каждый свой шаг. Скажем сразу, что в конечном счете последующие 30 лет его хозяйствования были успешными, но путь к этому был усеян шипами, в том числе самыми неожиданными.

Очень скоро он понял (и написал об этом), что главная трудность была в упорном нежелании наемных рабочих исполнять условия подряда не из-под палки. «Я тебя прежде боялся, а теперь я тебя знать не хочу и живу здесь только из-за денег» — прямая речь работника, вчерашнего дворового-крепостного. Итог — всеобщее стремление уйти с работы,

не выполнив ее и наполовину.

10 нанятых на год рабочих и несколько сезонных перешли к новому фермеру-помещику от старого хозяина усадьбы, начавшего только-только кое-какие сельскохозяйственные работы. Гласно с каждым вновь были подтверждены условия работы (25 руб. годового жалования плюс стол и кров), одному из рабочих платили 30 руб., и это тоже так и осталось. А вот как кормили работников, по крайней мере, в Орловской губернии: 3 дня щи с салом, 3 дня щи с солониной, 2 постных дня с конопляным жиром, молока по штофу на человека, хлеба и картошки сколько поедят, зимой соленья, летом свежие огурцы и лук, круп вдвое против солдатского пая. Едят три раза в день и с собой берут хлеба, сколько хотят (что особенно ценилось). После всех переговоров на следующий день никто не вышел на работу. С трудом выяснилась причина: «а почему Ивану платят 30, а нам 25, не будем работать!». С трудом сговорились каждый месяц добавлять понемногу жалованья, а Иван потом первым же ушел в город в дворники, снова сорвав работу. Не помогали и письменные контракты («мне кундрах не нужен»).

Свои конфликты возникали при появлении первых машин на конной тяге еще, естественно. Фермер делится с «Русским вестником»:

«Машина есть наилучший и неумолимый регулятор труда, она требует усилий равномерных, но зато постоянных. Пока она идет, нельзя стоять, опершись на лопату, и полчаса перебраниваться с бабой. Это качество машины пока очень не нравится нашему крестьянину…».

И дальше он продолжает:

«…небогатый сосед-землевладелец поставил молотилку и нанял молотников. Через три дня рабочие потребовали расчет: «да что, батюшка, невмоготу жить, сами ходите под машину… ишь она, пусто ей, хоть бы запнулась…».

А вот, например, трагикомедия на тему приобретения самим нашим фермером конной молотилки (по его же словам):

«…В феврале по отвратительным дорогам молотилка и веялка более или менее благополучно прибыли из Москвы. В мае, по условию, г. Вильсон должен был прислать машинистов для установки машин и приведения их в полное действие. Однако май прошел и половина июня; и нам пришлось обходиться собственными средствами. Машина ломалась почти ежедневно. Но тут судьба сжалилась надо мной и привела ко мне механика-дилетанта, который и выручил меня из окончательной беды — исправленная и ухоженная машина молотила всю зиму, хотя и не совсем оставила милую привычку ломаться от времени

до времени…

А г. Вильсон, когда до него добрались, реагировал весело: «Не вы одни на меня сетуете; вот в этом ящике у меня 8 паспортов машинистов. Все они забрали вперед по семидесяти рублей серебром и поехали ставить машины, да вместо этого разъехались по своим деревням. Писал я, писал к местному начальству и пишу до сих пор, паспорта у меня; но ни денег, ни мастеровых по сей день не вижу…».

А фермер между тем нанимал и сезонных рабочих и «копачей», с помощью которых достроил и благоустроил дом, разбил парк с аллеями, выкопал целый каскад прудов (до сих пор сохранившихся!). Хозяйство набрало силу, давало доходы, уже к нему приезжали за советом — тот же близкий сосед Тургенев, имение которого, как и полагается, приходило в упадок, будучи предназначенным только для получения денег от управляющего да для редких наездов на охоту. Но Тургенева как писателя, Фет ставил очень высоко. Среди бесчисленных своих поездок по губернии и в Москву специально заезжал в деревню к 80-летнему тогда уже Хорю — герою первого из «Рассказов охотника».

С Тургеневым, со Львом Толстым и с Софьей Андреевной наш герой дружил и состоял в деятельной переписке — и как поэт, и как фермер. Некоторые его письма были в стихах, а вообще в Степановке за 17 лет было написано больше сотни стихотворений.

Большинство братьев-писателей, правда, относились к нему критически, а иногда и просто враждебно. Салтыкову-Щедрину не лень было выискивать в новых стихах признаки якобы угасания таланта и время от времени он публично обрушивал на него как на «нового помещика», изменившего литературе, всю мощь своего сатирического таланта. Журналы и в самом деле все менее охотно печатали очерки из Степановки, но дело было в том, что их живая реальность все больше расходилась с господствовавшими тогда некрасовскими, а потом народническими абстрактными представлениями о жизни деревни. А в недавние колхозные времена фермерский опыт сочли бы просто вредным.

Через 17 лет процветающее хозяйство Фет продаёт за хорошие деньги и покупает в Курской губернии уже большое благоустроенное имение с землей (850 десятин теперь, а в Степановке было 200) и хорошим парком, чуть позже — и дом в Москве на Плющихе. В этот «вечерний» период жизни он активно занимается поэзией, переводами, мемуарами, не оставляя без внимания свои имения.

Итак, гвардейский офицер, фермер, если и помещик, то

по трудам своим, т.е. совершенно нетипичный, дворянин и камергер двора, и наконец, писатель-публицист. Он преуспел на всех этих поприщах, но стал известен и знаменит именно как поэт Афанасий Фет, написавший:

в 22 года:

Я пришел к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало

и

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит.
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

в 30 лет:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и полыханье
Сонного ручья.

в 65 лет:

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

в 71 год:

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело, —
Я ничего не пойму.

И сейчас кажется, что все это сразу написано с музыкой.

На протяжении всего XX века Фета издавали и переиздавали без счета. Но вот что написано в Малой советской энциклопедии в биографическом очерке (1931 г.): «…крайний консерватор и крепостник, воинственный представитель „чистого искусства“; поэзия его бедна по содержанию и ограничена двумя темами: природой и любовью».

Теперь мы знаем, что лирическое хозяйство Афанасия Фета состоит не только из стихов. И нам бы всем такой ограниченности в стихах, прозе и в жизни!

Гость из будущего

В конце жизни Анна Андреевна Ахматова сказала: «Я переживала минуты величайшего взлёта и полного падения в пропасть, но, в конце концов, поняла, что это в сущности одно и то же…».

И вот последний её взлёт, летом 1965 года. Оставалось меньше года до её ухода из жизни. Она приехала в Англию, в Оксфорд за второй мантией (одну мантию она уже получила в 1964 году в Италии). Обе поездки были организованы при участии сэра Исайи Берлина, и она навестила его в богатом доме его жены в том же Оксфорде. Жену она, впрочем, в упор не видела, смотрела насквозь, ведя высокоумную беседу с сэром, а после визита бросила небрежно: «золотая клетка». И вслед — стихотворные строчки:

Не в таинственную беседку
Поведёт этот пламенный мост
Одного в золоченую клетку,
А другого на красный помост.

Исайя Берлин был увезён мальчиком в 1919 году из Петрограда в Ригу, потом — в Англию, где прожил долгую жизнь и заслужил известность как писатель, критик, культуролог, профессор Оксфорда, став по указу королевы пэром и, следовательно, сэром Исайей. За 20 лет до этого в 1945 году он в ранге культурного атташе британского посольства приехал в Ленинград, и поинтересовался при случае у критика и издателя Орлова судьбой Ахматовой, с удивлением узнал, что она жива-здорова и тот же Орлов привёл его в Фонтанный дом к Ахматовой. Их разгорающаяся с интересом беседа была нарушена воплями снизу, из сквера.

Берлин спустился и обнаружил там Рандольфа Черчилля. Он числился корреспондентом английских газет, но на самом деле вёл себя буйно, пьянствовал, и британскому союзнику до поры до времени всё прощали. Тем не менее, тут же родился миф, что это Уинстон Черчилль прислал сына, чтобы на самолёте вывезти Ахматову из России… Тем более, что Черчилль дружил с Берлиным и через него заочно был знаком с творчеством

Ахматовой.

Исайя Берлин ещё раз навестил Анну Андреевну уже в самом начале 1946 года перед своим отъездом и за считанные месяцы до исторического ждановского постановления ЦК. Они провели в высокоинтеллектуальной беседе за столом поздний вечер и почти целую ночь, и это была ночь, вошедшая в историю советской и мировой литературы. С этой ночи началась «холодная война» — это высказывание самой Ахматовой. Её сын Лев Гумилёв, в таких случаях говорил: «Маменька, не королевствуй…». Но, в самом деле, писатели, вообще интеллигенция пораспустились, пора было закручивать гайки. Мальчиком для битья был избран Михаил Зощенко, самый популярный, самый издаваемый и читаемый (в том числе со сцены) писатель, а девочкой для битья — Анна Ахматова — «полумонахиня, полублудница», почти не издававшаяся и широкому читателю как раз почти неизвестная. Есть даже версия, что органы сами организовали вторую встречу с Исайей Берлиным, чтобы вызвать «момент истины».

Именно И. Берлин оказался первым претендентом, прототипом «гостя из будущего» в «Поэме без героя», и ещё 4—5 отточечных стихотворений Ахматовой посвящены ему или написаны из-за него. И, наконец, он был включён в её донжуанский (или клеопатринский) список. Негласный, конечно, но для литературной и окололитературной среды обитания — очень даже гласный. В последующие годы сэр Исайя всячески отмазывался от этой чести, но эффект был обратный. Мифы сильнее правды!

Несказанные речи
Я больше не твержу,
И в память той невстречи
Шиповник посажу…

«Невстреча» — это через 10 лет, в 56-м, когда они в одно и то же время оказались в Москве, но она сознательно уклонилась от встречи. Был только телефонный разговор, по настоянию Пастернака, видевшего Берлина, только что женившегося на богатой вдове барона Гинзбурга, «полуфранцуженки, полурусской» — как сказал Ахматовой сам Берлин, и очень симпатичной, по словам того же Пастернака. Она холодно спрашивала его о жене (особенно о том, когда именно он женился). На самом деле все прошедшие 10 лет Исайя Берлин был под впечатлением той ещё, ленинградской встречи и вообще считал её главным событием своей жизни… Но в этом он

признался много позже. Анна Андреевна поспешила даже уехать из Москвы.

Не приходи. Тебя не знаю.
И чем могла б тебе помочь?
От счастья я не исцеляю.

Он пережил её на 30 лет, прожив почти 90. Его литературные заслуги известны, но покрываются «патиной времени». А вот слава «гостя из будущего» и человека, проведшего ночь в Фонтанном доме с Анной Ахматовой — всё растёт.

Она всегда активно отказывалась от расшифровки реальных прототипов своих литературных героев и «без героев». И на восклицания: «Разве вы не помните… то-то и того-то» отвечала в сердцах: «Помню ли? Конечно, помню. Я помню всё — и в этом есть моя казнь».

Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдёт человек…
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится 20 век.

А мы теперь добавим: и XXI век тоже!

Завещание Дон-Жуана (Продолжение легенды)

В Ревеле, этом старом добром городе Датского, потом Шведского королевства, потом Российской империи, я впервые оказался через 10 лет после войны. Вся Прибалтика на фоне очередей за хлебом дисциплинированно праздновала 15-летие «любимой» советской власти. Но у меня была своя программа. Уникальный Вышгород сохранял средневековый колорит, старые кирхи не терялись в тени огромного православного собора. К закрытым дверям такой церкви привёл нас друг, нашёл пожилого сторожа или служку, и тот охотно и благожелательно, открыв храм, показал нам всё внутреннее убранство. На выходе из храма он сказал: «Вы стоите на камне, под которым похоронен Дон-Жуан. Он сам завещал похоронить его здесь, чтобы все женщины, входя или выходя из храма, топтали его прах». Наши спутницы оживились, заулыбались и попрыгали на камне, но, впрочем, без злости…

В последующие годы я иногда мысленно возвращался к этому камню. При редких контактах с эстонцами они отмахивались: «Это легенда». Однако же, «Сказка ложь, да в ней намёк». 200 с лишним авторов писали о Дон-Жуане стихи, прозу, музыку. У всех он много путешествует в поисках новых любовных приключений или спасается от предыдущих. Так неужели никто не отправил его в Россию, где побывали, кажется, все самозванцы и авантюристы галантного XVIII века?

Есть-есть такой автор, исследователь времён и душ, и вполне авторитетный, чтобы не сказать знаменитый, заочный друг-учитель и нашего Пушкина — лорд Джордж Гордон Байрон. Его «Дон Жуан» достоин чтения и перечитывания в оригинале, в крайнем случае — в многочисленных уже переводах. Мы же вместе с Байроном отправимся по русским следам великого и ужасного Дон-Жуана. А там, авось, и до Ревеля доберёмся…

> Ещё на родине, в Севилье:
> Он изучил всё то, что нужно знать,
> Чтоб женский монастырь иль крепость брать.

И теперь пригодилось ему не только первое, но второе его «умение». Потому что шла очередная русско-турецкая война и Дон-Жуан, вовремя сбежав из султанского гарема, оказался у стен осаждённого русскими войсками Измаила. Выдав себя

за французского офицера, сбежавшего из плена, был зачислен в русскую армию. А тут и появился присланный Потёмкиным Суворов, солдаты сразу оживились и вскоре начался штурм такой крепости, какую, по словам самого Суворова, можно взять только раз в жизни.

Гремел победный крик, но пушек рёв
Среди развалин смолк. Живых осталось
Лишь гроздь людей. А тысячи бойцов
В кровавом сне остались распростёрты,
С лица земли рукою смерти стёрты.

Дон-Жуан был всё время в первых рядах, и был замечен Суворовым. Уже на стенах он, вооружённый только шпагой, сбросил нескольких врагов вниз, сам же оставался неуязвим и увлекал за собой солдат, которым всегда «нравилась безумная отвага командира». А у него не было выбора. Он был слишком заметен, и если бы победили турки, да узнали в нём давнего врага, проникавшего к тому же в гаремы — ему отрезали бы не только голову…

По традиции взятый город на три дня отдавали на растерзание армии. Но грабежей и бесчинств было меньше, чем можно было ожидать после такого штурма, а некоторые даже были недовольны:

Смущалися и вдовы зрелых лет,
Бросая вопросительные взгляды.
Они кричали: Что ж насилий нет?
И не могли скрывать свои досады.

А Суворову нужен был теперь гонец в Петербург, и лучшего не было. К тому же он знал вкус матушки-императрицы и не ошибся… Дон-Жуан немедленно был отправлен по зимнему первопутку курьером в Петербург. Депеша была краткой: «Благодаренье Богу, слава Вам — писал он. Крепость взята и я там».

После нескольких дней непрерывной скачки, со сменой лошадей буквально на ходу и в сопровождении конвоя казаков Дон-Жуан подкатил прямо к Зимнему дворцу и сразу получил аудиенцию. Пути-дороги великого и ужасного Дон-Жуана и «Я знал великия жены» наконец пересеклись. Упавший на колени перед императрицей молодой, красивый, в шрамах и царапинах, да с такой вестью, пахнущий с дороги ещё своим и конским

потом — гонец произвёл впечатление, Суворов не ошибся…

Царица, схоронившая Ланского,
Таким, как он, могла пленяться снова.

Новый фаворит должен был получить чин, 100 тысяч рублей и апартаменты прямо в Зимнем дворце. В этой золотой клетке его «пробовала» вначале доверенная фрейлина, после чего он попадал в объятия императрицы. Но у Дон-Жуана и вокруг него всегда был иной темп. Да и золотая клетка была занята, но и тут же отодвинута в сторону. Дон-Жуан немедленно получил доступ ко двору, к балам и к спальне императрицы, и везде был на высоте, проб не потребовалось. Но заметила Екатерина и то, как сжимают рукоятки своих шпаг бывшие и будущие её фавориты.

В отчаянье, от зависти и злобы
Заплакали и важные особы.

К тому же придворная лихорадка сменилась настоящей лихорадкой, в постели — из-за промозглой петербургской погоды, так отличавшейся от испанской. Поэтому ему приготовлена была сразу по выздоровлении новая миссия.

Царицу огорчила эта весть,
Но, видя, что он гаснет от недуга
И климата не может перенесть,
Решилась, наградив его заслуги,
Торжественно его отпрпвить в даль,
Хоть бросить ей любимца было жаль.

Европа уже знала об Измаиле, но надо было оповестить королевские дворы официально. Дон-Жуан был послан к английскому двору. Но как попасть в Англию, притом, что кончалась зима, и фрегаты на Неве и в Кронштадте вмёрзли в лёд, ожидая весны? Байрон отправил его из Петербурга в Лондон сухопутным путём через всю неспокойную Европу. Но самым надёжным был всё-таки тогда морской путь, если не из Петербурга, то из Ревеля. Так что этот город вполне мог оказаться на пути нашего героя…

И тогда уже в Ревеле в ожидании корабля, столичного и европейского гостя принимают по высшему разряду. Конечно,

глаз на него положили не так шведские и немецкие бароны, составлявшие местное высшее общество, как их жёны и дочки. Времени на долгие ухаживания не было, и всё делалось по быстрому. Опомнившиеся мужья и женихи могли только вызывать на дуэль этого свалившегося на их головы наглого красавца. Дуэли в Ревеле и в Риге, впрочем, проходили только на шпагах и были обставлены массой правил, исключавших смертельный исход. Но переполненные обидой соперники буквально толкались в очереди и свалили, наконец, счастливчика с серьёзной раной в постель.

Оказавшись, наконец, в покое и наедине со своими мыслями и воспоминаниями и неуверенный вообще в продолжении жизни, Дон-Жуан призвал пастора, покаялся и завещал положить тот камень, на котором пролилась его кровь, перед входом в церковь, чтобы все женщины, входящие и выходящие, топтали его кости.

Но такой исход, хоть и с покаянием, не устраивал ни английского короля, ни русскую императрицу и, значит, грозил большими неприятностями ревельскому начальству. Поэтому вмешался уже Ганнибал — военный комендант Ревеля (да, да, тот самый предок нашего гения!) и приказал немедленно загрузить Дон-Жуана, живого или мёртвого на как раз готовившийся отплыть парусник. «С глаз долой — из сердца вон». Так спасена была не только репутация Ревеля, но и вообще великая русская литература во главе с её гением, не случайно потом написавшим и оставившим нам в назидание своего «Каменного гостя».

Вообще же дальнейшая судьба Дон-Жуана после Ревеля — в балтийском тумане. Добрался ли он живым до Британии и её короля — тоже неизвестно. Но наверно добрался, так как большинство из этих 200 авторов описывают конец Дон-Жуана много позже и именно от каменной длани командора. А Байрон, отправив его к английскому двору, получил возможность вдоволь поиздеваться над хорошо известными ему нравами лондонского высшего света.

Недавно, в наше время, оказался я снова в Ревеле, нашёл ту кирху и тот камень перед входом. Он совсем уже истёрт, как и камни-соседи, но не женскими каблуками, а грубыми мужскими ботинками. Каблучки-шпильки не оставили явных следов. Между камнями пробивается трава. Значит, и женские слёзы были не такими уж злыми, иначе бы трава не росла. А это и нам, наследникам, последователям и завистникам Дон-Жуана даёт надежду!

«Лолита» — высокая трагедия

Кто вы, «мистер Лолита»? Так спросила однажды Набокова интервьюер Би-Би-Си. И в ответ: «Я тихий пожилой господин, который ненавидит жестокость… Гумберт-Гумберт — человек, которого я выдумал. Лолита тоже никогда не существовала…».

Набоков… Набоков… во времена оттепели это имя у нас звучало, но не более того. Никто не перепечатывал его на тонкой бумаге, чтобы потом тайно читать. Ну, какой-то американец русского происхождения. Потом Ахматова выдала исчерпывающую фразу: «Прекрасный писатель, только писать-то ему не о чем». На том и успокоились. Перестройка перестроила и литературные вкусы, теперь Набоков признан, знаменит и у себя на родине. Но искусственность многих сюжетов и героев, пусть и запоминающихся — родимое пятно нашего Космополита с большой буквы…

При этом совсем особое место занимает «Лолита». Он писал её долго и нехотя, потом вообще забросил. Через 10 лет жена буквально заставила его закончить и опубликовать роман (но в самих Штатах он ещё долгое время был просто запрещён).

Как известно, скандальная слава очень способствует просто славе. Для множества «простых» писателей он — автор именно этого произведения, давшего ему, в свою очередь, и известность, и материальное благополучие.

Что ж, он с некоторой гримасой неудовольствия принял эту славу и это благополучие. Неудовольствие было вызвано тем, что вот — он серьёзный писатель, автор десятков книг, литературовед и переводчик (один только перевод «Евгения Онегина» с комментариями — это четыре тома по 500 страниц и 10 лет работы). В крайнем случае, он — энтомолог с мировой коллекцией бабочек, а на него смотрят все как на автора «Лолиты», по его же словам, самой чистой из его книг, наиболее отвлечённой и придуманной.

Оценка и самооценка великих людей часто не совпадают. Так, Норберт Виннер хотел, чтобы его считали великим математиком, а ему везде оказывали королевские почести всего лишь как отцу кибернетики. Наш Чуковский считал себя серьёзным литературоведом и некрасоведом номер 1, а пришлось всю жизнь носить корону детского поэта. Что делать, «мы выбираем, нас выбирают…».

Но «Лолита», к тому же, со всей её славой (или именно поэтому), по настоящему не была понята. Запретители, да и читатели хотели в ней видеть и видели «клубничку» (теперь,

правда, в век сексуальной свободы, несколько увядшую). А вот трагедия осталась…

Как известно, высокая трагедия заканчивается гибелью главных героев. И здесь это как раз налицо: мать Лолиты погибает уже в начале романа, погибает случайно и неслучайно (можно сказать, в состоянии аффекта), развязав тем самым руки главному герою и главному извергу, Гумберту-Гумберту.

Когда же Лолита сбежала от него, и он потратил три года на то, «чтобы отыскать свою бежавшую возлюбленную и угробить её кота» — вспомним, что он подходил к её дому, держа в руке заряженный пистолет. Но в дверях первой оказалась она сама, а муж её не был тем разлучником, которого он искал, и вообще настолько ничтожен, что не мог быть героем трагедии…

Дальше, вспомним, их встреча, разговор за столом, прерываемый иногда перекрикиванием с глухим мужем. Гумберт зовёт её обратно к себе, плачет, и жизнь его заканчивается, но не тогда, когда она отказывается вернуться к нему… «Нет…, нет, душка, нет…, об этом не может быть речи. Я бы скорее вернулась к Уилти. Дело в том, что… он разбил моё сердце, ты всего лишь разбил мою жизнь».

Пишется любая большая книга, но в ней есть главная страница, остальное — оболочка, обёртка, подступы к главному. Искусство быть читателем — аккуратно прочесть, развернуть все страницы, чтобы найти бриллиант. И вот она — кульминация трагедии:

« — А я — был, конечно, не в счёт?

Некоторое время она смотрела на меня… в её бледно-серых глазах, за раскосыми стёклами незнакомых очков, наш бедненький роман был на мгновение отражён, взвешен и отвергнут, как скучный вечер в гостях, как в пасмурный день пикник, на который явились только самые неинтересные люди, как надоевшее упражнение, как корка засохшей грязи, приставшей к её детству.».

Она могла бы наполнить свой ответ обидой, ненавистью, презрением, назвать его извергом, преступником… если бы! Он всего лишь — воспоминание о скучном пикнике при плохой погоде.

Вот здесь он умер, погиб… Хотя найдёт и будет ещё долго убивать проявившегося, наконец, из её слов соперника-разлучника. Убив, наконец, соперника (а олени и двуногие — птицы и люди делают это почти одинаково), он едет вдоль и поперёк дорог и полей, зная, что вот-вот его подхватят, понесут, повезут в полицию, в суд, в тюрьму, на электрический стул — какая разница, его уже нет на этом свете. Какая уж тут клубничка,

это — «Американская трагедия — 2».

И вот, друг мой, если придётся, если удастся тебе однажды сесть за один стол с твоей единственной, но когда-то, очень давно потерянной женщиной, о чём вы будете разговаривать? После некоторой заминки, когда ты просто будешь вглядываться и находить сквозь морщины знакомые черты, спасительная тема найдётся. Вы начнёте взахлёб говорить о своих детях и внуках. Потом, рано или поздно, она будет рассказывать, какой у неё хороший и заботливый муж. А тебе непреодолимо захочется спросить: «А я? Я, конечно, не в счёт?».

Так вот — не надо, удержись изо всех сил. Вдруг она задумается, и ты прочтёшь в её глазах воспоминание о скучном пикнике в пасмурный день. Лучше, если она встряхнётся, засмеётся и скажет только: «Спроси что-нибудь полегче…». А иначе, если такую же тень увидишь в её глазах, какую увидел никогда не существовавший, но живущий в нас, Гумберт, то и для тебя тоже жизнь закончится. До этого ты всего лишь временами «кислым ходил по жизни», а теперь… Так что лучше всего, если и ты вспомнишь и произнесёшь строки нашего современника:

Не спрашивай об истине,
Пусть буду я в долгу.
Я не могу быть искренним,
И лгать я не могу…

Улыбнитесь и засмейтесь вместе… до следующего раза. Правда, в следующий раз вы встретитесь уже на том свете, где и можно будет спокойно, без спешки (впереди вечность) всё выяснить до конца. А здесь, не пропусти свой последний шанс и всё-таки попроси прощения — «за всё, в чём был и не был виноват».

Цветаева, Эфрон, Маяковский и мировая война

Начало Первой мировой войны сопровождалось энтузиазмом, чтобы не сказать — истерией, всех кругов общества и во всех странах. Русская культурная среда, включая поэтов разгорающегося «серебряного века», не была исключением. Все соревновались в верноподданнических чувствах и предсказывали полную победу. Кстати сказать, и первой, и мировой войну стали называть много позже, а для советской истории она всегда оставалась только «империалистической войной».

Так или иначе, но многие писатели, включая Валерия Брюсова и Алексея Толстого, под аплодисменты провожающих поехали на фронт как военные корреспонденты, чтобы воспевать первые победы.

Владимир Маяковский тоже подаёт заявление об отправке добровольцем на фронт. Но военные власти отказывают — недостоин, политически неблагонадёжен. Но это в 1914 году, а в 1915 году его всё-таки призывают, но как специалист, владеющий рисунком и чертежами, он в итоге служит чертёжником в автомобильной роте до самого октября 17-го. А пока что он в стиле будущих «Окон РОСТа» занят рисунками и текстами для плакатов и лубочных картинок:

Сдал австриец русским Львов
Где им — зайцам — против львов!
Под Варшавой и под Гродно,
Били немцев как угодно.
Пруссаков у нас и бабы
Истреблять куда не слабы!
Русским море по колено:
Скоро нашей будет Вена!

Но он же через год предскажет:

В терновом венце революций
Грядёт шестнадцатый год…

и ошибётся только на несколько месяцев.

Сергей Эфрон как студент Московского университета не подлежал мобилизации, но рвался на войну, его еле

удерживали. В 1915 году он всё-таки стал медбратом в санитарном поезде, Но считал это не серьёзным делом. Осенью 1916 он уже призван и направлен в юнкерское училище. С июля 1917 — он прапорщик, и в дни октябрьского переворота участвует в кровопролитных боях вокруг Кремля, забегая иногда на Борисоглебский, чтобы убедиться, что Марина с дочерьми на месте. Когда же стало ясно, что большевики берут верх, собрание офицеров решает сложить оружие и пробираться на Дон.

А вот о Марине Цветаевой — совсем другой разговор. Начало войны она воспринимает как трагедию с непредсказуемыми последствиями для всех сторон. Первого октября 14-го она впервые читает своё стихотворение «Германии»:

Ты миру отдана на травлю,
И счёта нет твоим врагам!
Ну, как же я тебя оставлю,
Ну, как же я тебя предам?
И где возьму благоразумье,
«За око — око, кровь — за кровь!»,
Германия — моё безумье!
Германия — моя любовь!
……

Естественно, эти строки встречали враждебно, публично она не могла их читать, но в 1916 — уже читала с аплодисментами. Аудитория быстро взрослела и «левела». Но и февральскую

революцию она встретила «не как все»:

Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей…
Свобода! — Прекрасная Дама
Маркизов и русских князей.
Свершается страшная спевка, —
Обедня ещё впереди!
Свобода! — Гулящая девка
На шалой солдатской груди!

Настоящие поэты — провидцы, но кто их слышит «в минуты мира роковые».

«Любить…»

О Марине Цветаевой

Любовь — это плоть и кровь,
Цвет — собственной кровью полит.
Вы думаете, любовь —
Беседовать через столик?

У стихов и поэм Марины Цветаевой есть адресаты. Константину Родзевичу посвящены «Поэма горы» и «Поэма конца», из последней и это четверостишие, как бы вложенное в его уста в вечном споре любви и долга, любви без преград и «беседы через столик».

Марина Ивановна, как знал и почти привык уже её муж Сергей Эфрон и как знаем теперь мы, неоднократно влюблялась и обрушивала при этом на придуманный ею самою образ стихи, письма, признания с такой силой, что реальный образ имярек отступал в замешательстве. Долго могли длиться только эпистолярные романы, как с Пастернаком или Рильке…

Пробившись из советской России к мужу в Берлин в мае 1922 года, едва оглядевшись, она уже имела перед собой адресатов для стихов и писем, и с тем же результатом. Но вот познакомилась она через мужа с Константином Болеславовичем Родзевичем, тоже русским эмигрантом, и здесь всё оказалось серьёзней. Больше того, чувства были взаимными и впервые рыцарь не отступил, проявил волю и самостоятельность и желание соединить две растрёпанные судьбы — в одну и насовсем. Бурный роман, начавшийся в Берлине, продолжился в Праге. Они с Эфроном даже впервые разъехались на несколько месяцев. Он тоже впервые почувствовал глубину её увлечения, переживал и излил душу в большом письме Волошину в Крым. Всё это было осенью 1923 года, а уже в январе 1924 года — расставание или решение о расставании.

Здесь отступила Марина. Она не была готова к такому сильному характеру и сильному чувству. В решающих объяснениях прозвучал этот рубеж отступления: ничем не ограничивать себя в словах, в стихах, взглядах… за столом… Однако теперь уже Родзевич, «познавший Лилит», отказался. «Всё или ничего»… и раз нельзя всё, значит — ничего. Из-за этого часть цветаеведов до сих пор считает Родзевича фатом, уклонившимся от «серьёзных отношений». Но это не так.

Пронзительные записи в её дневнике и в письмах:

Ты просишь дома, а я могу дать только душу.

С ним я была бы счастлива…

Он хочет во мне быть, я хочу в нём пропасть.

Арлекин!.. Первый Арлекин за жизнь, в которой не счесть — Пьеро!

А вот Родзевич:

Она меня выдумала. Я не был такой. Год мы были вместе, и мне было тяжело не быть настоящим, это мешало мне жить. Как лавина! А во-вторых, мне было стыдно перед Серёжей.

«Через столик» они всё-таки беседовали. В середине 1924 года она сообщила ему о своей беременности. Радзевич сначала обрадовался, но потом, подумав, устроил бурную сцену ревности.

И поспешил жениться, не скрывая, что — без любви. В одном из её писем того времени: «… Знаете ли Вы, что мой герой «Поэмы конца» женится… Подарила невесте свадебное платье… Сама передала с рук на руки, — не платье! — героя!

А вот нам она передала попытку ревности — на сегодня одно из самых известных, чтоб не сказать — знаменитых стихотворений:

Как живётся вам с другою, —
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою,
Скоро ль память отошла
Обо мне, плавучем острове…

Это — первые строки из 12 четверостиший. А вот — из последних строк:

Как живётся вам с земною Женщиною, без шестых —
Чувств?
Как живётся, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

Она дарила это стихотворение разным людям, и некоторые принимали его на свой счёт. Но это тоже Константин Родзевич… Память не отошла. 16 лет ещё ходили они по одной земле, иногда случайно пересекаясь. После гибели Марины Цветаевой он прожил ещё 47 лет, в конце жизни, по памяти, выполняя портреты и деревянные скульптуры Марины Ивановны, которые очень нравились её дочери Ариадне. Но стихи пережили и его. Они

переживут и нас. По словам другого поэта, нашего современника,

«… Четверостишье держит небосвод
Последней нерасшатанной опорой…»

И мы знаем, видим и слышим здесь и сейчас!

Белые ночи Леонида Леонова

Точнее было бы сказать «Белая ночь» — именно так называется ранняя его повесть. В советской литературе Леонов был, конечно, в первом ряду, в конце жизни был и литературным генералом. «Русский лес» в многочисленных переизданиях до сих пор заполняет полки библиотек. Его последний роман-завещание вышел уже в «лихие годы» и не получил поэтому должного отклика.

Но мы поговорим сейчас о ранних повестях и рассказах, написанных сразу после гражданской войны. В тридцатые годы они публиковались и обсуждались, а потом были задвинуты

«на дальние полки». «Белая ночь» — три урока в одном тексте (урок хорошего русского языка, урок высокой литературы и урок истории). В истории Севера времён Гражданской войны он сам был участником, причём юнкером на стороне белых. Кроме того, вместе с отцом редактировал в Архангельске белогвардейскую газету. Он, конечно, эти факты не рекламировал, но те, кому надо, знали, но тоже молчали, это давало ему карт-бланш в описании событий 1918 года.

Гражданская война на европейском Севере имела свою специфику. В Архангельске высадились английские войска, причём по приглашению местной советской власти, опасавшейся прихода немцев. Местные Советы решили, что пусть уж лучше будут вчерашние союзники по Антанте, чем немцы. Правда с центром это не было согласовано и вызвало там недовольство.

Так или иначе, прибытие в Архангельск на кораблях английских войск было встречено с энтузиазмом и обывателями, и юной советской властью. Однако очень быстро на этом фоне верх взяли «белые», появились правительства, армия, подобие парламента из осколков Учредительного собрания. Без англичан всё это было бы невозможно. Они не принимали прямого участия в боях, но «подпирали» белую армию, снабжали её оружием и продовольственными пайками. Русские офицеры почувствовали, однако, высокомерное отношение англичан к ним («для них всё, что не Англия, то Индия…»).

Короче, «Белая ночь» написана Леоновым со знанием дела. Повесть и начинается с того, что убит английский полковник, вывешены траурные флаги по этому поводу и русский полковник требует от поручика — начальника контрразведки, недавнего боевого офицера, командира «волчьей сотни», принять меры — читай, подготовить «акцию возмездия». Поручик вяло отбивается («у меня нет столько арестованных»), а в конце беседы ещё и дерзит: «Трупы прикажете доставить в английское посольство?». Арестованных у него всего пять душ, и среди них действительно единственный виновник — гимназист, застреливший полковника на случайной вечеринке за то, что тот начал ухаживать за его невестой, причём, застрелил не из ревности даже, а из-за собственного страха, что его сочтут трусом. Эта пятёрка сидит в небольшой деревянной каталажке, и это хороший срез «общества»: кроме гимназиста там один матёрый уголовник, давно приговорённый к смерти и снова пойманный, матрос, севший просто за длинный язык, мужичок, приехавший в город с молоком и случайно попавший «под раздачу» и ещё один хлюст (про него ничего не известно, кроме этого ёмкого, хотя и забытого почти слова). Бандиту о своей судьбе всё ясно и он прощается

через зарешёченное окошечко со своей марухой («пройди… повернись… ещё раз…»). Таких попутных сцен и деталей полно у автора. Вот и здесь — на уголовнике уже печать негде ставить, а он, прощаясь с миром, прощается со своей женщиной… Мужичок вообще спит, ничего не понимая, остальные нервничают…

Но белые-то вначале наступают, вот-вот с Колчаком соединятся, а потом, как и на других фронтах Гражданской, отступают, потом просто бегут. Англичане поспешно эвакуируются, но как джентльмены берут с собой на пароходы белых офицеров с семьями. Поручик же приходит в тюрьму, отпускает матроса и уголовника «за папиросами», потом гимназиста, наказав тихо идти домой. Куда там? Недоросль помчался по улицам, за ним — все собаки с лаем, но обывателям не до него, они срочно ищут или шьют заново красные флаги…

Поручик возвращается в свой кабинет и думает только: «побеждают красные… это плохо… но если бы победили белые, было бы ещё хуже…». Вот он, извечный русский выбор между плохим и очень плохим, и мастера слова подводят нас к ожидаемому заранее. Если бы ещё их слышали или хотя бы читали. Звонит полковник, ругается. «У вас есть уже билеты на английский пароход, г. полковник? Ну и катитесь!..». Потом он достаёт свой револьвер, поворачивает его дуло к лицу, с удивлением думает, что вообще его впервые видит с этой стороны. И это было последнее, что он увидел в этом мире…

И ещё одна сцена запоминается (отступая по времени назад). В полуподвале у знакомой цыганки — пьянка. С нашим поручиком оказывается рядом две девушки, одна из которых — та самая невеста гимназиста, она даже кокетничает этим. Но поручик чувствует только, что девушки давно не мылись и даже спрашивает об этом. «А как же, конечно, моемся. Только знаете — зимой холодно, а летом как-то всё некогда…». Хоть стой, хоть падай… Но лучше прочесть эти три урока в одном тексте. Следовало бы даже поместить его в школьную хрестоматию.

Когда эта повесть ещё печаталась (а потом наступил многолетний перерыв), критика, чувствуется, не знала, как к ней подойти. Наконец, нашли формулу: писатель, показывая белое движение изнутри, показывает его обречённость…

И нашу общую и многолетнюю, даже при смене власти, обречённость выбора между «плохим» и «очень плохим».

Светить, и никаких гвоздей!

Мы все тянемся и движемся к солнечному слову, к солнечному свету. Будут ещё и снег и морозы, но — «зима напрасно злится, прошла её пора, через пять дней начнётся весенний месяц март с нежарким ещё, но ярким солнцем.

Мы — дети солнца. И когда добываем, бездумно расходуем нефть и газ, и сводим леса — это мы просто расточаем законсервированный свет прошлых эпох.

И вот, если Творец устанет от наших прегрешений и решит окончательно, что человек — это его ошибка, ему достаточно будет, чтобы поставить точку, погасить солнце. Но мы об этом не узнаем, восемь минут ещё будем жить ещё как ни в чём не бывало.

Если солнце погаснет,
Если солнце погаснет,
Восемь минут ещё
Мы будем беспечны,
Восемь минут ещё
Мы будем беспечны,
Восемь минут музыки нашей счёт
Продлится:
Успеем родиться,
Проститься,
Сварить молоко,
Восемь минут неведения —

Так легко…

Всё это написала совсем молодая поэтесса Анастасия Строкина, а может быть и поэт уже (это более высокое звание) в своём первом сборнике стихов, который так и называется: «Восемь минут».

Трудно себе представить — солнца нет, а лучи его остались… И то, что это может длиться именно восемь минут не случайно. Та же константа — льготные восемь-десять минут — есть у каждого человека при переходе в мир иной. Когда останавливается сердце, это ещё не смерть. Это в терминах медицины называется «мнимая смерть». Если за восемь-десять минут удастся снова запустить сердце — человек оживает в полном сознании. Если позже — мозг уже потерян, хотя другие органы способны выдержать и большую паузу…

В реанимациях в эти считанные минуты делают прямой укол в сердце, дают высоковольтный электрический разряд и иногда, редко всё же, возвращают человека «оттуда». Ещё реже он возвращается самостоятельно. Рассказы таких людей удивительно похожи. Все они видят себя как бы со стороны всё быстрее несущихся в слабо освещённом тоннеле. Несущимся к свету в самом конце тоннеля. К солнцу? Так, может, быть мы — дети солнца, рано или поздно возвращаемся к нему? Но некоторых, не спрашивая, насильно возвращают на грешную землю.

И не случайно, наверное, и то, что многие религии древности поклонялись именно солнцу. А древние люди были не глупее нас. Меньше знали? Да… Но, как известно, «во многие знания — многие печали».

А вот наш великий поэт-провидец не стал ждать, а единственный из смертных осмелился однажды позвать солнце к себе в гости, на дачу. И не куда-нибудь, а в наше подмосковное Пушкино, между прочим, на Акулову гору:

«Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»

«И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я,

А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!»

После взаимных объятий и разговоров они вместе решили:

«Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница,
Вдруг — я
во всю светаю мочь—
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!»

Сейчас, через сто лет почти, позволим себе дополнить классика:

Светить — и никаких гвоздей
Вот лозунг НАШ и Солнца!